

Притчи о старце Зосиме

**Записаны
Анной Зубковой**

**Под редакцией
Владимира Антонова**

978-1-927115-51-0

В этом сборнике собраны автобиографические притчи одного из Божественных Учителей, известного также под именем Нгомо¹. В них рассказано о том лучшем, что имело место в среде российского христианского монастырского монашества.

Собранные в сборнике материалы можно рассматривать в качестве одного из учебников духовной жизни — для всех, кто стремятся стать лучше пред Лицом Бога.

---

¹ [5].

Содержание

Притча о молитве, покаянии и о чудесах, Богом сотворяемых.....	4
Притча о жизни души на Ладони у Бога.....	14
Притча о тайне «умной молитвы» и стяжании внутренней тишины.....	36
Притча о помощи Божией и о том, как помогать людям.....	48
Притча о добре: добре свершаемом — и добре не сотворённом.....	55
Притча о Храме.....	69
Притча о смиренномудрии и о жизни монашеской.....	82
Притча о смерти и о воскресении.....	109
Рекомендуемая литература.....	131

Притча о молитве, покаянии и о чудесах, Богом сотворяемых

*Когда человек оступился и
пытается встать —
Бог обязательно протягивает
ему Руку помощи.
Но если человек пал и валяется —
Богу приходится ждать.
Помощь приходит тогда,
когда ищущий спасения
трудится неустанно.
Нгомо*

Жил в монастыре одном старец Зосима. И шёл слух, что по молитве его исцеления происходят и чудеса совершаются.

И много людей стекалось из дальних мест, чтобы просить его о помощи.

А братия монастырская гордилась, что обладает их монастырь таким старцем.

Но и завидовали многие: отчего Бог их молитвы не слышит, сколько они ни молятся? Ведь сколько поклонов ни кладут — всё без толку! А старца молитвы — Бог отчего-то исполняет...

И решил один молодой послушник у старца Зосимы выведать: как тот чудеса совершает, отчего Бог его слышит? Старец — добрый, вдруг научит?...

Пришёл он к старцу и спрашивает:

— Отчего по молитвам твоим происходят чудеса, а по нашим — не происходят? Научи своим тайнам! А то ведь помрёшь — и некому будет монастырь прославлять!

Старец посмотрел ласково и говорит:

— Сложно это объяснить! Ведь я — будто и не молюсь вовсе...

Но надо, чтоб свет, подобный тому, что в свече горит, иль тому, что в лампадке пред иконой теплится, — в сердце человеческом зажжён был!

От любви — тот свет происходит.

И можно тот свет души — расширять до необъятности, словно свет солнечный!

И вот тогда — Великий Свет Духа Святого является и помощь готов! И видно в том Свете Живом Божественном — всё, словно нет стен у кельи, словно нет башен монастырских. И любое тело человека — в этом Свете насквозь видимо, и душа — тоже понятна на расстоянии любом.

Вот так и происходит: стоит мне начать слова молитвы Духу Святому произносить — и Он здесь! Течёт Река Света Божиего — и всё Собою объемлет!

А понимает сей Свет — любовь сердечную, а не слова бубнимые!

Как чудеса совершаются? — ты спрашиваешь... Да вот, сливается душа с этим Светом — и

уже не ведаю: где любовь — моя, а где — Божия Любовь!

В Реке этого Света есть Руки. Они — будто бы и мои, но и не мои полностью...

Вижу я эти Руки Божественные, Которые совершают Свою Работу! Так же, как руки пахаря или повара совершают работу свою, — так же и Руки Духа Святого трудятся!

Эти-то Руки могут и исцелять. Если хочет Дух Святой, то могу я Руками теми — тела от скверны и болезни очищать. А если не хочет — то не могу пошевелить даже кончиком пальца.

Видны в этом Свете Божественном в теле больного — болезни, а в душе — прегрешения.

Но не любую душу можно очистить, не каждому человеку помочь удаётся...

Ведь нужно прежде научить душу — любви! Иначе может статься, что окажется душа потом в долгу пред Богом — за сотворённое чудо!

... Сказал так старец Зосима и улыбнулся ласково.

Послушник же молодой в испуге пред старцем на колени пал, лбом в пол уткнулся... А потом, крестясь истово, прочь из кельи выскочил...

Вздыхнул тихо старец Зосима: опять, выходит, не тот человек пришёл, о котором говорил Бог... Не захотел послушник узнать о теплоте сердечной, о сердце духовном...

А ведь столько лет уже прошло...

* * *

Приходило к старцу Зосиме просящих множество.

И стремился он помочь каждому: не только тело вылечить иль беду в жизни поправить, но главное — выправить путь души в предстоянии пред Господом.

Вот, однажды пришёл к нему богатый купец и просит дочь его маленькую исцелить:

— Отчаялся я! На тебя — последняя надежда, святой старец! Помоги: умирает дитя!

— Не я — исцеляю! Господь — помогает душе каждой!

Как Господь помогает? Через людей, на **Земле** живущих, в том числе.

Слышал ли ты о Христе Иисусе? Через Него — Бог многим людям помог.

А через тебя — помог ли Бог кому?

— Грешен, не думал я так никогда, старче!... О прибыли, о выгоде всё думал...

— Так вот — думай теперь!

И наперёд завсегда думай: что Господь от тебя хочет?

А теперь домой поезжай, поправится дочка твоя!

Да учреди на деньги свои больницу бесплатную, докторов хороших туда позови — для Бога трудиться!

А как дочка совсем здорова станет — ко мне непременно её привези!

... Вытирая слёзы, купец стал благодарить.

А старец сказал ласково:

— Торопись в жизни то добро совершить, о коем прежде забыл!

И не забывай впредь о сем — чтоб не случилось беды ещё большей!

Бог тебе помог — так и ты другим помоги!

И учись понимать: в чём — добро? И как его совершать возможно?

Может, для кого-то и твои слова и дела будут Рукой помощи, от Бога протянутой! Бог ведь — чрез многих людей добро сотворяет, чудеса совершает!

* * *

Прошло время, и привёз купец маленькую дочку свою исцелённую — к старцу.

Вошла девочка в келью — да забыла то, как её учили благодарить. И говорит:

— Это ты меня вылечил, дедушка? Спасибо тебе! Я болела-болела, болела-болела, а теперь — совсем здоровая стала!

— Здравия тебе, деточка! Да только это не я, но Бог тебя вылечил! Его ты и должна благодарить всегда!

— Да, я знаю! Бог — Он добрый! — закивала девочка.

— И ты теперь учись быть доброй, как Бог! Старайся!

Слышишь, как сердечко в груди у тебя стучит? Это Бог тебе напоминает о том, что душа — для любви и доброты создана!

Вот и учись — ко всем ласковой и приветливой быть! Всем помогать учись потихоньку!

Пока маленькая ты — помощь твоя не велика, но важна очень! А как большая вырастешь — многим людям помочь тогда сможешь!

— Я всё поняла, дедушка! Мне долго плохо-плохо было, а вот теперь — хорошо! И я другим тоже буду стараться хорошо делать!

Девочка подбежала и обняла старца Зосиму.

... Много лет с той поры прошло. Но никогда не забывала девочка, что, по Воле Господа, именно для взращивания и дарения любви — дарована жизнь на Земле человеку! И через это — раскрылось и затем расширялось всё более и более её сердце духовное! И жила она, охватывая заботой-любовью всё и всех.

* * *

Однажды пришла к старцу Зосиме не молодая уже женщина — и плачет, умоляет:

— Помоги мне вернуть любовь сыночка моего единственного! Всю жизнь на него положила, ни в чём ему не отказывала! А вот вырос — и не вспоминает даже!... Одна я осталась! Горько мне, что неблагодарностью — за всё, что делала для него, платит он мне! Не могу сдержать обиду горькую, не могу унынию не предаваться!...

— Не кручинься! Подумай прежде: так ли ты сына своего любила, как Господь хочет, чтоб любили мы людей?

Если только получают дети блага от родителей своих, а заботе о других их не учат — то и вырастают дети, добра не помнящими, неблагодарными!

Ведь любовь — не в том только заключается, чтобы приятное человеку делать!

Не всегда приятное полезно душе! И не всегда полезное — приятно!

Ведь делать добро — это вовсе не то же самое, что человеку желаемое им всегда подавать!

Нельзя просто потакать чужим хотеньям! Через это — вред душе, а не польза!

Надобно, чтоб каждый — не только сам дарил любовь, но и в других людях пробуждал желание её дарить, добро делать! Также — слова в себе гневные сдерживать, слова только добрые произносить!

Плохо ты сына своего воспитала! Избаловала его потаканием прихотям его! Упрёками каждодневными да наставлениями занудными от любви отвернула! От заповедей добрых отвратила!

Вот теперь говорю я тебе слова печальные об ошибках твоих — чтоб слова мои, как лекарства горькие, помогли тебе промахи твои понять и поправить попытаться!

Ещё сильнее зарыдала женщина:

— Неужели Господь не простит мне грехи мои?!

— Прощение тогда происходит, когда понял человек, в чём грешен был, — и изменил себя! И ещё — когда дела неправильные свои исправил по мере сил!

Только изменившись сама — сможешь ты вокруг себя что-либо к лучшему менять!

Есть надежда для тебя теперь! Скоро придет к тебе твой сын — и совета и помощи просить будет. Полюбил он женщину вдовую, старше себя летами. Дитя у неё есть уже от мужа прежнего. Через любовь эту — Бог желает помочь сыну твоему научиться не о себе, а о других думать-заботиться!

Не просто человеку себя менять... Не просто сделать так, чтоб из любви малой — родилась большая любовь всеохватная!

Счастье дитя, что у женщины той растёт, — счастьем для всех вас обернуться должно!

... Сказал так — и женщина с надеждой да с думой о самом важном домой пошла...

* * *

Вот так и беседовал с людьми старец Зосима.

Но случилось и так, что человека с замыслами недобрыми Зосима на порог кельи даже не пустит...

И оттого — тоже задумывались люди... Ведь если старец святой к себе не допустил — то и Бог, значит, отвергает того человека за жизнь его неправедную...

А сам человек такой пугался нечистоты своей — и менялся. И вновь потом приходил совета у старца спросить — теперь уже искренне: как грехи ему искупить?... И тогда — ласково принимал пришедшего старец Зосима, советы давал простые и ясные. Но, чтобы те советы исполнить, необходимо было себя преобразать: не праздничать, а с великим усердием совершать трудение — и душой, и телом. Душой — любовь в себе возвращать, гнев, ненависть, зависть, уныние устранять. А телом — трудиться, чтобы вокруг хоть немного лучше жизнь для других сделать.

Даже отчаявшимся говорил старец слово, поддерживающее и вразумляющее:

— Нет греха или порока, от которых не мог бы человек избавиться!

Ведь даже когда попадает человек в беду духовного падения — всегда готов Бог помочь оступившемуся!

А болезнь или иная беда какая в жизни — даются человеку во здравие души и тела его! Болезни и беды сии есть вразумления для не понимающих пока Замысла Божиего — в отношении нас, людей. Сие даёт возможность для очищения души!

Слаб и немощен человек в этом мире, пока не знает он Любовь Божию — Величайшую Силу, Которая может быть рядом с ним и в нём всегда!

Если б каждый человек с Любовью Христовой в сердце жил...

* * *

Однажды пришёл к старцу Зосиме человек не молодой уже, но и не старый ещё. Крепок он был телом и душой не слаб был. Да только потерялся он среди дел, удовлетворения душе не приносящих. О большом и высоком мечтал он с юности, жил — дерзновенно сражаясь за правду... Да не всегда различал он, где истина... И многие замыслы его потерпели крушение, на многих жизненных вершинах приходило к нему понимание, что не то вовсе нужно было делать... И оттого — теперь тяжело ему было. И не знал он: как жить ему дальше и для чего...

Рассказал человек тот старцу Зосиме свою историю. Похожа она была на множество других, что старцу слушать доводилось... Но и отличие было великое: ведь не о себе человек думал, а

для других жить стремился, помочь другим пытался!

— Вот так и прошла жизнь почти вся... Столько всего совершить хотел, о прекрасном мечтал... А на поверку вышло, что зря всё было: ничего не смог изменить, никому по-настоящему не помог... И как дальше жить — не знаю... Научи, если сможешь..., — так закончил свою историю путник.

— Не зря всё то было! Через то, что делал ты в жизни, становился ты и мудрее, и сильнее! Так Бог вёл тебя к Себе!

И вот, готов ли ты теперь жизнь свою только Господу одному посвятить?

... И стал старец Зосима рассказывать человеку сему о назначении жизни человеческой, о Любви Величайшей Божественной...

И остался сей человек у старца. И учился у него. Учился — тишине сердечной, в которой зажигается огонь любви. Учился — слиянию со Духом Святым. Учился — труждению всякому, которое в осознанном Единстве с Богом совершается и Великим Служением Богу является...

* * *

Многим ли сумел помочь старец Зосима? — то Богу только ведомо... Но силой особой обладали его слова. И советы, что давал он, не стирались из памяти. Поворачивались люди взглядом души к Богу, а делами своими — к помощи людям. И через это — Бог в жизни тех людей участие мог принимать.

Притча о жизни души на Ладони у Бога

В монастыре одном жил старец. Звали старца Зосима. И была народная молва о том, что так чист сей старец душой, что наделён он от Бога милостью чудеса различные совершать. Говорили, что и чудесные исцеления по слову его происходят, и судьбы людей меняются, и души преображаются! И много народу приходило к старцу с просьбами...

* * *

В небольшой уездный город, где расположен был тот монастырь, по обычной для России разбитой и пыльной дороге вошёл человек.

Он был не молод уже, но и не стар. Телом он был крепок, роста существенно выше среднего. Сила, видно, в теле была недюжинная. А в душе — непокой и надлом были, ощутимые для взгляда внимательного.

При дороге нищий сидел на куче лохмотьев грязных и у входящих просил милостыню.

Человек спросил этого нищего, где бы комнату снять или двор постоялый найти? И рубль ему дал — деньги по тем временам большие.

Нищий, как рубль увидел, — вдруг переменялся!словно что-то в нём на мгновение проснулось от удивления! И сказал:

— Ты к тётке Аксиньи лучше ступай, у неё — добрее будет! На постоялом дворе — драки там пьяные, шум... А у неё — часто те, кто к старцу

Зосиме приезжают, останавливаются. Аксинья — она добрая! Когда не пьян бываю, супу у неё спрошу — так нальёт! Суп — вкусный у неё, хоть и постный всегда...

— Подожди, к какому такому старцу? Я — не к старцу вовсе... Впрочем — всё одно! А как к твоей Аксиньи пройти? Да по батюшке её как величать?

— Аксинья Димитровна. Скажи, что Никодим к ней послал!

На этом мысли нищего переключились на рубль и водку с существенной закуской...

* * *

Путник подошёл к дому Аксиньи. Постучал.

Открыла чуть полноватая средних лет женщина. Лицо её спокойной добротой освещено изнутри было. Смотрела она ласково, будто давнего знакомого, которого ждала, повстречала.

— Нельзя ли у Вас, Аксинья Дмитриевна, комнату снять? Сказали мне, что у Вас комнаты сдаются...

— Отчего же нельзя? Хорошему человеку — всегда рада!

— С чего ж Вы думаете, Аксинья Дмитриевна, что я — человек хороший? Я, может, вовсе наоборот, — с некоторым сарказмом и глубокой горечью произнёс путник.

— Ну коли не очень хороший, то скажи хоть, как звать тебя? — не испугавшись, мягко перевела разговор на шуточный тон хозяйка.

— Зови Николаем.

Путник по имени Николай осмотрел уютную чистую и просто обставленную комнату. Он за-

платил за жильё за неделю вперёд, дав денег вдвое больше, чем сумма, которую ему назвала хозяйка.

Он хотел уже удалиться в свою комнату, но Аксинья осторожно произнесла:

— Вы к старцу Зосиме в первый же день не ходите! Помыслите в покое, как и что? У реки погуляйте. Чтобы его слова слышать — нужно успокоиться душевно хоть немного.

— Да что это у вас тут за старец такой? Я не к нему вовсе... Я по монастырям не хожу! Не помогает Бог людям! Вон — что вокруг творится!... Да что там!...

В этот момент разговор прервался: в дверь постучали, Аксинья отворила.

* * *

Вошла бледная усталая женщина с ребёнком на руках. Ребёнок был уже не мал и, видимо, тяжело болен. Это был худенький мальчик лет примерно пяти или шести. Ребёнок был в сознании, но как бы не полностью, словно способность жить в этом теле уже наполовину покинула его.

Женщина держала его на руках из последних сил.

— Вы что ж стоите?! — обратилась к Николаю за помощью Аксинья. — Подержите дитя!

Когда Николай брал мальчика на руки, тот слабо застонал и чуть приоткрыл глаза. Николай очень осторожно и бережно отнёс мальчика в комнату — рядом с той, в которой он расположился.

... Засыпая, Николай слышал сквозь сон мягкий грудной голос Аксины и сдавленные рыдания женщины.

— Поможет старец Зосима! — успокаивала Аксиныя. — Ты не сомневайся! Утром и пойдёте! Не беда, что нет денег! Не берёт он деньги вовсе! Кто хочет, тот потом на больницу или на монастырь жертвует. И у меня — так поживёте. Тут у меня — постоялец щедрый! Так — всё одно к одному славно и сложится!

* * *

Наутро Николай проснулся от приглушённых голосов и сборов за стеной.

«Да... Присоветовал Никодим мне “тихое местечко”!» — подумал он.

Но раздражения почему-то не было. А было тепло на сердце, как в далёком детстве, когда сквозь сон слышал мамин голос...

За окном ещё не рассвело.

Аксиныя постучала:

— Вы уж простите, Николай, не спросила вчера, как Вас по отчеству. Ребёнок хворый, не может сам идти, а гостья наша совсем из сил выбилась! Вы бы их проводили до старца?

Николай согласился, не колеблясь. Сейчас это отвлечение от угнетавших его мыслей казалось ему неожиданным и радостным. А старец Зосима со вчерашнего дня всё более и более привлекал его любопытство.

Помогать же людям Николай всегда стремился. В этом — он смысл всей жизни своей видел. И в этом же — и величайшее разочарование

в достижении целей намеченных по преобразованию жизни людской получил...

* * *

На улице было прохладно.

Николай нёс ребёнка на руках. Женщина, запыхавшись от скорого шага, рассказывала как случилось, что её сынок Илюшенька повредил ножку.

— Может, мы бы в больницу лучше пошли? — спросил Николай. — Врач бы посмотрел да вылечил! Здесь, говорят, больница есть хорошая.

— Да были мы у врачей разных... Денег сколько ушло — а не помогли... Говорят, ампутация нужна, да и то поздно может быть уже... А старец — он чудеса от Бога творит! Он — непременно вылечит!

Потом женщина начала подробно рассказывать об их жизни и бедах...

Николай бережно нёс ребёнка и почти не слушал... Он держал хрупкое тельце, в котором едва теплилась жизнь, и думал: «Вот — ребёнок, который, скорее всего, вот-вот умрёт... Или останется калекой на всю жизнь... Так что смерть ему, может быть, и лучше даже... Отчего так? За что? Почему ничего не изменить в этой страшной и бессмысленной жизни человеческой?!... Вот я сам — взрослый и сильный человек, который не видит ни малейшего смысла в продолжении этого существования, — буду жить..., а этот мальчик — умрёт... Если бы можно было: вот так просто взять и отдать свою жизнь, свою силу ему — чтобы он жил и был здоров?... Но это — невозмож-

но... Ну и где же ты, “Всесильный Бог”? Почему такое допускаешь?!...»

Они подошли к монастырю.

Монахи не хотели их пускать:

— Завтра приходите! Тогда старец просящих выслушивать будет. Сегодня — никак нельзя!

Но Николай уверенно прошёл мимо, словно это не его пытались остановить. Он твёрдо решил, что сегодня же, после «аудиенции у святого старца», он уговорит мать — и отнесёт ребёнка в больницу. Может быть, ещё не поздно будет...

* * *

Николай быстро прошёл сквозь монастырский сад к келье старца. Дорожка к келье была явно отличима. Она была утоптана множеством проходящих к старцу просителей и выделялась среди всех других мощёных камнем монастырских проходов.

Николай с ребёнком на руках решительно вошёл в келью. Мать мальчика — за ним.

Старец Зосима был совсем не старым и дряхлым, каким воображал его себе Николай.

Это был стройный и наполненный неким *особенным покоем* человек. Только его волосы и борода, обрамлявшие лицо, были абсолютно белыми. А глаза...

Николай всего лишь на мгновение встретился с ним взглядом — и понял, что таких глаз он никогда прежде не видел... Они излучали тёплый, ровный и спокойный *Свет* и какие-то особенные уверенность и силу, покой и ласку.

Мать мальчика, опустившись на колени, начала свой рассказ о несчастье с сыночком. Она причитала и просила исцелить мальчика...

Старец прервал её:

— Александрой тебя зовут? Ступай в часовню и молись, милая!

Та смолкла, удивлённая, и с поклоном покорно вышла.

Николай положил ребёнка на широкую лавку у стены, и, не перекрестившись, а лишь слегка поклонившись, хотел выйти...

— Помоги мне, Николай! — услышал он слова старца. — Ты ведь вправду хочешь, чтобы Илюша поправился?

— Да, — ответил Николай, не успевая удивляться происходящему. Он вспомнил то, о чём думал по дороге, неся мальчика...

— Подойди сюда.

Старец положил руки Николая на тело мальчика: одну — на грудь, другую — на больную ногу. Свои руки он не отвёл...

... А то, что потом было, Николай не мог осмыслить ещё долго...

Он сам и всё вокруг погрузились в *Свет*. Это был чистый бело-золотистый *Свет*, подобный утреннему солнечному... Николай видел, как мягко движутся потоки этого *Света*... Потом он словно отключился, будто бы заснул...

* * *

Когда же Николай очнулся, то сидел он в углу кельи, а старец Зосима беседовал с матерью мальчика. Самого мальчика в келье не было...

— Вдовая, говоришь?... — спрашивал старец.

— Да, вдовая, одна пятый год мыкаюсь...
Всю жизнь за тебя теперь молиться буду! И Илюшеньку научу за тебя, спасителя нашего, молиться!...

— Вот удумала!... Не я, Бог исцелил!

— Богу буду молиться!... Бога буду благодарить!

— Это хорошо — *благодарить!*... Я вот научу тебя, как первую твою *благодарность* содеять. Вот тебе от меня записочка. Пойдёшь в больницу к доктору Фёдору Пантелеймонычу, скажешь, что я велел тебе месяца три или четыре поработать сиделкой с больными тяжёлыми. Он тебе за то зарплату положит. Будет вам на что с Илюшей домой ехать.

— Спасибо, тебе!...

— Погоди, дослушай, неугомонная! Есть там человек один, Григорием зовут. Операцию ему сложную сделали. Жизнь телу его спасли, но без ноги он теперь. А калекой он быть не хочет. Уже один раз пытался жизни себя лишиться... Вот, если сумеешь душу того человека излечить, — то это первая твоя благодарность Богу и будет! А сын твой — тебе поможет. Бывает, что, когда больные деток видят, то надежда на жизнь светлую — к ним возвращается...

Теперь ступайте!...

Илюшенька, иди сюда! — позвал старец Зосима.

... То, что увидел Николай, поразило его выше всего: в келью из монастырского сада ещё немножко неловко, но... вбежал, а не вошёл исце-

лѣнный мальчик, преобразившийся невероятным образом!

Ребѣнок не просто мог теперь ходить! Он словно очнулся от смерти — и явилась в нем жизнь подлинная — ясная, солнечная! Такое редко увидишь среди обычных здоровых людей... Словно радостью и светом изнутри светилось всё теперь в Илюше! Словно тот лучистый дивный *Свет*, который видел Николай во время исцеления, был теперь и в теле мальчика!

— Мама, мама, я здоров совсем! И нога не болит больше! Я даже бегать могу!

Они оба с благодарностью поклонились старцу и пошли...

* * *

А старец Зосима стоял на пороге кельи и смотрел им в след.

Он смотрел в их будущее — с лаской и Силой Божией. ... Видел он человека по имени Григорий, молча лежащего на своей постели... с невидящим взором боли и отчаянья... И видел шепчущую ему слова ласковые Александру, мать Илюшину... И видел, как вбежал в палату больничную, ища мать, маленький Илья... И — как вспыхнуло любовью детское сердце, когда мечта его главная былью стала:

— Мамонька, мамонька! Ты папу нашего нашла! — в радости молвил Илюша и со словами такими обнял Григория... И Григорий со слезами на глазах обнял мальчика... И вернулись любовь и надежда в душу — и душу уврачевали...

И видел старец Зосима троих счастливых людей, уходящих из больницы исцелёнными, хоть мужчина и на костылях шёл. И видел тех, кто им вслед из окон смотрели и счастья желали!

— Сбудется, Господи! По Воле Твоей — всё да будет!... Сердца, любовью наполненные, — Волю Твою сотворят!... — шептал старец Зосима.

* * *

Николай и старец остались в келье одни.

— И часто ты чудеса такие творишь? — удивлённый, не осмысливший ещё всё произошедшее, спросил Николай.

— Такое очень редко бывает... Но то — ведь не только я, но и ты, с Божией Волей сливаясь, Илюшу исцеляли! Видно, и для тебя то нужно было, чтобы полнота Силы Божией явлена пред тобой была!

Ступай теперь! Подумай, о чём спросить хочешь, отчего смысла в жизни своей не видишь... О сокровенном самом, чего сделать хочешь, — подумай — и приходи тогда! Завтра приходи, если захочешь, поговорим! Сможешь ты то совершать, что для людей мечтал сделать! Сможешь — но не сам, а с Божией Силой соединяясь!

Ступай теперь, устал я... — тихо произнёс старец Зосима...

* * *

Николай, возвращаясь от старца, думал о произошедшем.

Всё теперь изменилось каким-то невероятным образом... Смерть о которой он думал, как о выходе из тупика, из бессмысленности и безнадежности в жизни, вдруг отступила и — открывался неведомый прежде простор...

И теперь он должен понять и сформулировать для самого себя: как же жить дальше?...

Неверие в бытие Бога, которое за непростую его, Николая, жизнь утвердилось в нём, столь, казалось бы, просто, разрушил старец...

Но вера не вошла на освободившееся место, ибо искал Николай не веру, а чёткость понимания и полноту знания.

Все вопросы, мучившие его за всё время его духовных исканий, вновь всколыхнулись в нём.

Это были те вопросы, что отверг он, как заведомо не имеющие ответов. Отверг — вместе с верой в бытие Бога.

Он сам тогда решил искать пути, чтобы помочь людям стать счастливыми... И много начинаний его потерпели полное поражение... И многие друзья его предали... И многие идеи его светлые — были извращены его бывшими товарищами и обращены во зло...

И принесла эта вся его деятельность многим людям добро, но многим — печали и разрушения...

... Мысли Николая вернулись к чуду исцеления и к тому Свету, который он сам видел: «Значит, есть, всё-таки, Сила, Которая может менять судьбы человеческие? Это — и есть Бог?».

Он понял, что завтра вновь должен пойти к старцу.

* * *

Николай шёл к монастырю, а сомнения и мысли всё ещё угнетали его: «На что я надеюсь? Что изменилось вчера, когда увидел я *Свет Лучезарный*, соединившись с которым старец исцелил мальчика?... Что я — исповедаться хочу, душу излить? Или “веру Христову” обрести что ли хочу? Или вопросы свои задать? Или, может, найти понимание смысла жизни моей? Впрочем,... может быть, и в самом деле, знает этот старец ту Истину, ради которой жить на Земле сто́ит, и ведаёт — как?»

Уже подходя к монастырю, Николай услышал разговор матери и дочери, возвращавшихся от старца.

Мать была весьма упитанной, крупного телосложения женщиной, явно не малого достатка.

Она возмущённо кричала:

— И не совестно ему людей исцелениями соблазнять, чудесами приманивать?! Сам ведь — не может ничего! Кругом — один обман!

— Да будет Вам, мама! — пыталась успокоить её дочь. Она придерживала больную, плохо двигающуюся левую руку, здоровой правой рукой, и продолжала:

— Говорила ж я Вам, матушка, что ерунда всё это, сказки для дураков и детей несмышлёных! А Вы мне не верили!

Но мать всё не могла успокоиться, и продолжала, захлёбываясь от возбуждения:

— Надо ж удумать такое! Каждое утро тесто больной-то ручкой вымесить, испечь хлебы и нищим раздать! И так — три года! Святой выис-

кался! Жулик из жуликов! А к нему — вон дураки за советом тащатся!

— Ну, будет Вам, мама, будет!... — урезонивала дочь.

... Николай слышал удаляющиеся голоса...

Потом он долго сидел среди людей, ожидавших беседы со старцем, разглядывал лица выходящих...

... Когда все разошлись, он вошёл в келью.

А старец Зосима будто бы ждал его. Обрадовался так, будто самого близкого человека встретил, словно сын к нему пришёл, а не случайный путник, в Бога полжизни не веровавший.

* * *

— Пришёл всё-таки?

— Пришёл...

— А для чего пришёл?

— Сам ещё не знаю, может, просто поговорить нужно... Может, пойму, как ты живёшь и зачем... Зачем чудеса творишь?

— Не я чудеса творю: Бог дела вершит! Хотя и человек сам — тоже вершит...

— А девицу с рукой больной — не получилось сегодня исцелить?

— Не получилось, — с лёгкой печалью сказал старец Зосима.

— А если бы послушалась и три года тесто месила — исцелилась бы?

— Смотря, как исполняла бы... Если бы проснулось сердечко духовное, когда деткам голодным хлебы раздавала, если бы о том, как горю людскому помочь, думала, когда тесто меси-

ла, а не о том, как больную руку поправить, — то выздоровела бы! Руки, добро дающие и благо делающие, — всегда здоровыми становятся!

— А я вот — и руками своими, и мыслями своими, и всеми делами своими — всю жизнь пытался добро делать и до того дотрудился, что даже думать стал: не лучше ли жизни себя вовсе лишиться, чем понимать бессилие изменить что-либо в ней к лучшему...

Вот мальчик, тобой исцелённый, думаешь, будет счастливым?

Или так же, как все — подрастёт и во грехах и пороках завершит свой земной путь? Для чего же тогда ты исцелил его?

— Для будущего его исцелил, для любви! А то, как и каким он в то будущее войдёт, — то от многого зависит...

Вот ты, маленький когда был, Бога любил сильно... И юношей — тоже сердце чистое имел!

— Да, любил и верил... Верил — да изверился!... Давно это было. Горячо верил и молился горячо... Да только не исполнял Бог просьбы мои...

А потом увидел я беды людские и страдания — и решил, что не мог Бог добрый, всемогущий и милостивый — такой ад для детей **Своих** на Земле устроить! И решил: то, что в силах моих, — я сам для людей сделаю... Да вот не вышло то, что задумывал...

— Вижу многое — из того, что с тобой было... Ты прежде жил, словно на лодке по реке против течения грёб. Ты всё трудился да ждал, что приплывёшь к океану великому, а приплыл лишь к малому родничку, с которого река начинается...

Но трудился ты не зря: возросла твоя сила! И умений прибавилось, познал многое! И можешь ты теперь лодку направить в нужном направлении. И вся мощь реки будет в помощь силе твоей. Хочешь ли того?

— Не знаю пока, чего хочу... Оттого видно и к тебе пришёл... Ты меня от неверия и бессмысленной пустоты в душе исцелить сможешь?

— Так уже исцелил тебя Бог от неверия твоего! Кабы не исцелил — не пришёл бы ты вновь сюда!

А вот тому, как любовь к Господу обрести и тишину сердечную познать, — тому могу научить тебя, если сам захочешь.

— Объясни же мне тогда прежде всего: зачем я вернулся?

— Чтобы научиться дело Божие вместе с Богом осмысленно совершать, а не поступать, как самому на ум взбредёт!

— Ещё скажи мне: сам-то ты — во что веруешь?

— Верую во Единого Бога-Отца Вседержителя, Творца всего — и видимого, и невидимого... И хоть слова тебе обычные молитвенные произношу, но Бога я всей душой, всем сердцем всегда чувствую, ощущаю. И Присутствие Его мне столь же явственно, как твоё здесь... Только не всех могу научить тому же...

— Ты что, видишь Его?

— И вижу и слышу...

— А я вот не вижу, и не верю тебе... почти...

— А ты видишь сейчас дом Аксиньи, в котором комнату снял?

— Не вижу...

— Так стало быть, нет этого дома вовсе?...

— Есть...

— Вот не видишь сейчас, но говоришь: есть...

Вот так же и Бога не видишь, любовь Его не ощущаешь... Хотя Он есть.

Иисус, когда меж людьми жил вроде бы как человек обыкновенный, — Он с Отцом Небесным всегда говорить мог, Силу Великую, от Отца исходящую, всегда мог ощущать. И многое тогда совершил Он, чтобы показать, как жить человек может на Земле. И главное нам заповедовал, чтобы и мы стали такими, как Он: «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный!» А многие ли пытаются?

Пока человек в унынии, неверии, отчаянии и гневе содержит себя-душу — Бог бессилён помочь ему, ибо по незнанию и неверию отвергает человек Любовь Божию Всемогущую, Помощь и Заботу Его Нежную!

Что же может человек в мире сем изменить? С чего мог бы начать?

Прежде всего — себя самого может выправить: душу очистить, сердце духовное любовью наполнить, жить не по хотениям своим, а по Божией Воле. Вот тогда только — сможет такой человек и ближним своим помогать!

Сделать это — каждый человек может, ибо возможность такая ему Богом дана.

И возносится тогда душа, озарённая любовью сердечной, к иной жизни, хотя и тело имеет. Тело остаётся тем же, руки — те же, но душа преобразённая — словно в ином мире — райском — теперь обитает! Живёт она — любовью наполнен-

ная, с Богом обо всём совет имеющая! Всё вроде бы то же вокруг — а жизнь человека иной становится!

Ты вот теперь все мысли твои горячие, сомнения тяжкие в речах неудержимых, в спорах — мне на исповеди выплеснуть думал? Думал — от этого полегчает?

Но нет покоя у тебя в душе оттого, что тишины сердечной ты не познал!

Ещё скажу: всё, что ты мне исповедовать хотел, ведь уже знал и знает Бог о тебе!

Знает Он — и прошлое твоё, и мысль каждую!

Каждый человек всегда — как на Ладони у Бога! Но только, лишь когда человек об этом узнаёт, — великая польза ему от этого может настать! Ибо, если знает человек, что видны Богу все его мысли, даже самые сокровенные, и что ведомы Богу все дела его и то даже, что к делам тем человека побудило, — тогда внимательнее будет человек жизнь свою строить!...

Говорят, что страх Божий должен быть у человека, чтобы он не грешил. А я вот — так не думаю. Когда из-за страха — человек добро выбирает, а не зло, — то видит Бог, что не любовь в душе той, но страх... И не идёт то душе в зачёт...

Чистота души пред Богом соблюдаться должна не оттого, что наказание может последовать за грешные дела и мысли! Не в тайне ведь от Бога помыслы наши! И не спрятать нам наши дела от Его взгляда всевидящего!

Но, если видит Бог несовершенства мои, — то стыдно мне должно стать за то. А жить в стыде и сраме — душе непотребно...

Если же понял человек, что помыслил дурно, что поступил неверно и ему за то пред Богом совестно, — то другой раз постарается он не грешить!

Важно также — не позволить лжи в себе возникнуть — той лжи внутренней, что самому человеку закрывает глаза на пороки его... Это — та ложь, когда человек, чтобы голос совести тихий не слышен был, начинает сам себе оправдания вымысливать, к примеру — не себя, но других во всём обвинять!

Но если же захочет человек искренне себя — как душу — исправить, то это — праздник у Бога! Бог тому человеку помогать в исправлении души начинает, работу совместную они тогда ведут.

Пока же человеку не ведомо, что Бог его зрит непрерывно, — ему вроде как равны злое и доброе, что ему на выбор предложено... Так и живёт медленно такая душа, будто спит вовсе или слепа да глуха... И не много пользы от жизни такой...

— Скажи, старец, а ты сам — зачем живёшь? Ведь живёшь — будто не видишь зла, лжи, преступлений? Как прощать можешь мерзость, что вокруг творится?

— Не на все твои вопросы я смогу ответ дать... Ты вот упрёки людям, что именуют себя служителями Божиими, мыслишь. Ты о происходящем в религиях различных, сокрушающем все их устои, слова говорить мне хочешь — и это называешь неверием своим. Но ведь так же и Иисус о вере книжников и фарисеев говорил. Не ново то, что ты мыслишь! Не исчезли и по сию пору “книжники и фарисеи”!...

Вот смотри: криво стенка в келье сей сложена, даже трещина по стене пошла. Может — каменщик неумелый был. Может — время неумолимо разрушает возводимые людьми строения материальные... Сколько церквей для верований разных возведено было людьми — не счесть! Многие разрушены давно, других черёд впереди...

Нерушим же только тот храм, что в сердце своём духовном человек воздвиг! Здесь — тот престол Господа, пред которым полагает человек жертвы свои настоящие: пороки, от которых отрёкся, — чтобы не грешить больше! И пороки те — гордыня, зависть, гнев, осуждение, лень, злоба, раздражение, уныние, страх, любовь к себе и невнимание ко другим... И другое многое дурное...

Сердце духовное есть тот алтарь, на котором возжигается светильник любви неугасимой!

И ведь только очищенная от скверны душа — для Бога трудиться может! И это есть первый дар Господу от человека прекрасный!

И тогда — правила жизни, людскими законами устроенные, — заменятся законам Божиими, которые именно любовью сердечной прочувствовать и понять человек должен.

А Любовь Божия — границ не знает! И нет той силы, что препятствовать могла бы Воле Божией совершиться!

Возможно такое предстояние пред Богом, когда раскрывает всю душу человек — и сердце его отверсто для Любви Божией! Вот только познав это — видит человек воочию и убеждается, что всегда он был и есть пред Очами Бога Любящими!

Тогда лишь — окончательно смиряется гордыня человеческая!

Пока — в уме твоём бурлят мысли бушующие о справедливом и несправедливом... Но лишь тогда только в сердце твоём духовном покой и любовь смогут настать, когда ты раскроешь его, очищенное, для Христа, — и войдёт Христос в сердце твоё!

... Да, может человек заменить в себе осуждающий ум — всепрощающей Любовью Божественной!

Было и со мной когда-то похожее, на то, что с тобой теперь творится.

Искал и я справедливость между людьми. От людей ждал, что уразумеют они слово Божие, как только услышат его! **И** — что делами они явят всё, что поняли... И, если не так, как мечталось мне, поступали люди, — то охватывало меня иногда отчаяние. Не понимал я, как поступать надо было мне, когда даже среди пастырей фарисейство видел, когда ничто не мог переменить в душах человеческих... И молился я страстно и горячо, и просил Бога о помощи и вразумлении — как жить.

И вот тогда увидел я Иисуса впервые. И услышал от Него всего два слова: **СМИРЕНИЕ** и **БЛАГОДАРНОСТЬ**!

Понял я тогда Господа Иисуса — и смирил гордыню свою... И научился принимать **всё**, входящее в жизнь **мою**, — со смирением и благодарностью. И очень многое тогда переменялось. Ибо великая любовь возрастает в душе, когда понимает человек, что значит истинное смирение, — и исполняет сие. Тогда благодарность наполняет

сердце духовное: благодарность за всё, что посылает Отец Небесный! И также благодарностью ко всем существам, через которые это приходит от Бога, — наполняется душа! Вот тогда-то бунтующий ум навсегда заменила великая тишина духовного сердца!

Так и живу с той поры: то, что понимаю и умению моему посильно, — то совершаю во славу Господа!

А когда готова будет душа — откроет Бог то, что мне теперь не ведомо, научит тому, что не в силах пока совершить...

Живу я теперь среди правил неволящих — вольный. Стараюсь, по мере сил и разума, с Волей Божией всегда в согласии, — проявлять Любовь Его Всемогущую...

Это есть то, чему научить тебя смогу, если со мной останешься.

Не за один разговор то происходит, но через жизнь монашескую обретается! Через жизнь — в постоянном предстоянии пред Богом. А то, чему не смогу научить, — тому Господь научит...

Что не во власти моей изменить, что пониманием пока не охватил — про то молчать стану... А когда будут у меня от Бога понимание и знание: что сказать, как поступить — тогда и сила будет дарована для деяний преображающих...

Великое счастье приносит душе — согласие с Волей Божией!

Смирением очищается душа от самости и гордыни. И приходят и понимание, и прощение.

Открывается тогда Источник Любви Бесконечной в сердце обширном духовном!

Кто тот Источник обрёл в *глубинах* себя-души: в *глубине* сердца духовного, с Богом соединённого, — тот уже не опечалится от внешнего! Велико счастье его — ибо на земле отверзлись для него Небеса! И Бог — с ним и в нём!

Таков путь монашеский.

Вот так и живу, так и служу Господу. Так и людям помогать стараюсь. Если зажигается в ком-то душа любовью — то словно свеча засветилась во славу Божию! И светят те души потом, всё вокруг себя озаряя! И другие души от них искру любви принять могут!

* * *

Николай с удивлением понял что, пока говорил старец, он не только лишь слова слышал. Понимание особое проникало в него. Ответы главные он получил на те вопросы свои, которые задать хотел!

Совсем новое, непривычное тепло охватило грудь внутри... Он понял, что сейчас жизнь его может начаться будто бы заново.словно всё прежнее — это был лишь... черновик... А теперь — вот он пред Богом стоит душой обнажённой! Уже не пред старцем мудрым, а пред Великой и Могущественной Божественной Силой, Которая правит всем и, оказывается, всегда... была рядом...

И знал он теперь наверняка, что любовь сердечная, которую он ощущает, — это и есть тот светильник истинный, который освещает весь путь до полного познания Истины!

Это было, словно блудный сын вернулся к отцу любящему.

Теперь он стал полностью готов начать новую жизнь — жизнь на Ладони у Бога, жизнь для Бога!

Притча о тайне «умной молитвы» и стяжании внутренней тишины

«Есть высшая молитва совершенных — ... когда неизглаголаннми воздыханиями духа приближаются они к Богу, Который видит расположение сердца отверстое».

Из «Аскетических наставлений»

Нила Синайского

«Существует состояние, которое заключается в созерцании единого Бога и в пламенной любви к Нему, где ум, объятый и проникнутый сей любовью, беседует с Богом ближайшим образом».

Из «Обозрения духовной брани»

Иоанна Кассиана

Было то в монастыре небольшом, в котором жил старец по имени Зосима. Удивительные чудеса сопровождали его служение Богу! Многие люди искали у него советов, помощи, исцеления от недугов души и тела.

Но **не многие** искали у него знания о постижении Любви Христовой... И не стремились они научиться тому, что старец для людей и для Бога мог совершать. Потому так было, что невозмож-

ным — для себя — считали они подвиг его монашеской жизни.

Но один человек по имени Николай остался со старцем, чтобы учиться у него общению с Богом и познанию Его.

* * *

Однажды Николай шёл к старцу Зосиме и встретил служителя монастыря, который повторял непрерывно молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного!»

Поравнявшись с Николаем этот человек посмотрел на нового послушника с неодобрением и осуждением:

— Опять к старцу идёшь, прости, Господи!? Из безбожника сразу святым стать норовишь?!

— Да, иду, звал к себе Зосима, — спокойно ответил Николай.

Он уже привык к тому, что недолюбливали его некоторые обитатели монастыря за то внимание, которое уделял ему старец Зосима. И хоть и было получено разрешение от настоятеля монастыря, что именно старец будет готовить Николая к принятию монашества, но новый послушник у многих вызывал неодобрение, причиной которому была зависть.

* * *

Николай вошёл в келью старца. Зосима, как всегда, заранее знал о его приходе. Николай всегда поражался тому, каким непостижимым обра-

зом ведаёт старец: кто к нему идёт, о чём думает человек, какие проблемы его заботят.

Старец сидел в глубоком покое и ласково смотрел на вошедшего. В келье было особое состояние, которое Николай для себя называл **Пр**исутствием Божиим. Словно даже воздух был наполнен прозрачной и нежной тишиной!

Некоторое время оба молчали, сидя вблизи друг от друга.

Потом Николай спросил:

— Отчего так много сил полагают монахи на произнесение Иисусовой молитвы? Слышал я и читал когда-то об этой молитве — или как её ещё называют «умной молитве». Расскажи ты мне про это. Отчего не помогает она теперь? Или вправду затерян в веках её секрет?

— Отчего же не помогает? — Помогает!

— А я вот сейчас человека встретил, который ту молитву твердит...

— А **Лю**бовь Христова от него не исходит, да?

— Да...

— Стало быть, не помогает молитва тому, кто секрета её не ведаёт?

— Да...

— Да вот только нет никакого секрета-то!

Никогда не скрывалось от людей, что главное, чтобы начать духовное преображение, — это любовь надобно сердечную познать! Иисус про это ясно учил — что Бог есть **ЛЮБОВЬ**!

Были великие труженики на этом пути, которые заветы Иисуса на деле осуществить стремились.

Искали они способ погружения в тишину сердца духовного, которая по-гречески называется *исихия*.² Это — тишина, в которой Голос Бога становится ясно различим.

Ещё искали они обретения той чистоты душевной, когда явен взору сердечному Свет Духа Святого!

И избирали они образ жизни монашеский, в котором всё — для Бога и ничего — для себя!

Искали они способы, как не попускать мысли греховные, как блюсти душу в чистоте кристальной, как жить в непрерывном осязании Господа.

И многие из них произносили призыв молитвенный: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного!» И повторяли они сии слова непрерывно, в каждую минуту жизни своей, — чтобы ум от Господа не уклонялся, чтобы со смирением душа склоняла голову пред Величием и Мудростью Бога. И бывало, что от такого тружdenия души, наступало погружение ума в сердце — сердце духовное.

Ещё призывали они Иисуса войти в сердца их. Ибо не просто веровали они в Воскресение Иисуса Христа, а Его Самого — Живого и ныне — ощущать всегда пытались! Стремилась они говорить научиться с Иисусом — так же, как Апостол Павел. Чтобы у Иисуса у Самого — советы спрашивать!

А чтобы это могло произойти, нужно обрести любовь сердечную и обратиться её к Господу.

Многие этого хотели, да не у всех это получалось...

---

² О традиции исихазма см., в том числе, в [5-6,9].

Только понимания и желания — для этого — мало...

«Сердце чисто созижди во мне, Боже...» — так молятся многие. Но кто же за человека — сердце его очистит? Кто его заставит поступать по заветам Божиим? Сам ведь он должен трудиться над очищением и преображением души!

Хотя то, может быть, есть самое главное дело в жизни его!

О том, что создал Бог человека по образу и подобию Божию,³ — слышал слова такие? Стало быть, прекрасным создал Бог человека. А отчего же не так — в жизни? Может, сами люди виноваты в том, что перепачканы души?

Где же под множеством одежд-оболочек обитает в человеке сокровенное Божественное Начало?

Как Образ Божий может быть явлен в теле человека?

Или — где же скрыт сей Образ?

В чём подобие наше — Богу?

Что познали постигшие Славу, Силу и Любовь Христовы подвижники-исихасты, когда говорили об обожествлении даже плоти телесной?

Есть такая возможность, когда дух человеческий соединяется с Духом Божиим — и берёт власть над плотью. И подчиняются тогда немощи телесные и немощи душевные такой воле человека, которая всегда в согласии с Божией Волей!

Как же научиться всему этому?

Для начала нужно от нечистоты душу избавить.

---

³ Быт. 1:26,27; 9:6.

Покаянием, смирением и прощением очищается душа.

Не за один раз пороки из души уходят. Покаяние есть великий труд по осознанию своего несовершенства и исправлению: и мыслей неправильных, и дел грешных, и эмоций несовершенных.

Постепенно приучает себя монах к жизни в непрерывном предстоянии перед Богом. Не на словах, а на деле не грешить он старается в каждый день жизни своей!

И тогда — словно между прошлым и будущим замирает пред Богом душа очищенная и будто бы говорит: «Всё, что есть во мне хорошего, то — для Тебя, Господи! Всё же, что было прежде дурного, — пусть сокрушено будет! Не попусти больше греха — ради Тебя, Господи!»

Вот такое труждение — и нужно Богу! И тогда — словно смывается прошлое твоё!

И если позади в жизни чистота — то и впереди чистота!

И вот, в этом-то удивительном моменте предстояния пред Богом — и раскрывается тишина великая: нежная, прозрачная, бескрайняя!

Но ощутить её можно — только внутри сердца распахнутого духовного!

То и ты можешь теперь начать учиться познавать. Вот тебе простое задание для начала:

Слышишь, как колокол звонит? Он словно призывает людей о Боге вспомнить...

Звуки его заполняют простор — на многие километры! Они — ширятся, ширятся... И вдали — когда уже не слышен звук — словно продолжает шириться тишина, после него возникшая...

Вот, представь, что и ты — как колокол: тоже полый внутри и огромный. И — колокол начинает раскачиваться... Звуча нет, есть только беззвучный призыв, обращённый к Богу Вездесущему! И тишина тогда — словно бы звенит!...

Слушай эту тишину! В ней — можно ощутить Бога!

... Осязаемая тишина заполняла не только пространство вокруг их тел. Но эта тишина словно затопила всю келью... Она также ширилась в просторе над маленьким городком, расположившемся на берегу широкой реки... Она ширилась и обнимала всех тех, кто устремлялись своей любовью ко Христу! Она также обнимала и всех тех, кто ещё не познали эту любовь...

Нежно, словно воздух, которым дышат все существа, заполняла эта тишина всё вокруг. И всё существующее содержала она внутри себя...

— Это — чудо дивное!... Словно остановились все мысли!... И есть только эта тишина! — произнёс потрясённый Николай.

— Да, ты сейчас почувствовал тишину сердечную. Это — как первый шаг. Затем тишину эту можно наполнить любовью к Богу.

Видишь свечу? Пламя — тёплое, нежное, светлое. Ввысь поднимается язычок огня. И если нет движения воздуха вокруг — то словно недвижимо в своём горении сие пламя.

Пусть в груди у тебя подобное пламя любви к Богу затеплится — и свет его пусть ширится!

А потом — озари им все закоулки внутри тела, чтобы выгнать из него всё тёмное, тяжёлое, мрачное. Вся тьма — словно выгорит!

Погрузи и ум свой в тот свет.

Руки пусть тоже светом наполнятся! Сквозь ладони пусть свет проливается — как у Апостолов, когда наложением рук исцеляли они хвори людские!

Всё туловище и ноги даже — пусть заполнит сей свет. словно сосуд прозрачный водой наполняется — так тело пусть залито будет им!

Многожды так повторять нужно! Трудиться надо над преображением и души, и тела! И тогда — через время некоторое — сможет тело стать сосудом для Духа Святого, источником Света Божиего! словно пламя свечи излучает свет — так и человек такой огонь любви ровный и мягкий вокруг тела своего носить может!

А потом... Да, может тело человеческое стать носителем Образа Божия — Христа внутреннего!

Вот так и учись тишину души стяжать, любовь к Богу в себе возжигать!

Как почувствуешь тепло и свет в сердце духовном расширенном и очищенном — зови Господа Иисуса в сердце! И познаешь тогда, что Бог есть Бог Живой!

* * *

В этот момент в келью старца Зосимы вошёл тот служитель, которого Николай встретил по пути.

Он поклонился старцу.

— Здравствуй, Родион! — приветствовал Зосима.

— Грешен я в осуждении ближнего. Помогите! Скажи: как замолить сей грех? — не глядя в сторону Николая, промолвил Родион.

— Да вот он — тот ближний перед тобой! Попроси прощения — да в другой раз не мысли дурно. Только и всего!

Но оказалось это — очень не просто. Несколько минут прошли в молчании глубоком, прежде, чем Родион, обращаясь к Николаю, промолвил:

— Прости меня!...

И так легко стало на душе и у Николая, не державшего обиды, и у человека того...

— Вот, ощущаете теперь Радость Божию? — спросил, улыбаясь, старец.

Николай молча кивнул.

А из глаз служителя Родиона полились слёзы...

— Как же мне теперь молиться? Как жить? Что делать? — прошептал он.

Старец Зосима немного помолчал, потом начал рассказ:

— Однажды, в пост Рождественский, пришла ко мне женщина с ребёнком. О чём она просила — уже и не помню. А вот то, о чём её сынок спросил, — то на всю жизнь запомнил. Говорит он:

— Вот Рождество: день рождения у Иисуса скоро! Я подарок Ему хочу подарить. А то люди друг другу подарки на Рождество дарят, а Иисусу не дарят... Скажи: что Ему подарить лучше? Ты Его спроси о том... А то вдруг у Него есть мечта какая, а я её не узнаю?

— А ты сам-то думал, что Иисус бы от тебя в подарок хотел?

— Думал я... Я долго думал, что́ Ему будет приятно, но ведь у Него на Небесах, наверное, есть всё. Что Сам Он пожелает — то тотчас Ему

явится! Вот от этого и трудность моя, и вопрос мой...

Я тогда ему так сказал:

— Учит Иисус людей — любить Бога: Отца и Творца всего сущего! И ещё учит Иисус любить ближних наших. Говорил Он, когда проповедовал, что то добро, которое человек другому человеку сделает, — он для самого Иисуса то сделает. Вот это и есть тот подарок, который Господь Сам Себе сделать никак не может! Только человек, совершая добро, такие дары Богу приносит!

И не только один день в году так поступать могут люди. Но, если они каждый день так живут, — то это для Бога радость великая!

Вот и ты, Родион, можешь так жить стараться!

А когда любишь ближнего своего, то любое слово твоё доброе — чудотворным стать может!

Родион вышел тогда из кельи счастливый: может быть, впервые в жизни на несколько мгновений ощутил он то, что называют словом *любовь*...

... Николай спросил:

— Отчего ты не научил его тому, чему меня сейчас учишь?

— Много раз пробовал я всех тому учить... — промолвил старец Зосима. — Но пока душа человека — как изба неубранная, хламом лишним наполненная, грязью мыслей и дел неправедных набита, пока человек не видит этого, не понимает и не хочет себя для Бога преобразовать — невозможно ему помочь! Очень медленно приходит понимание к таким людям...

Нужно терпения много, чтобы даже слегка их жизни выправить, чтобы хоть немного помочь им...

Вот, сделал Родион малый шаг к свету и любви... А завтра, возможно, забудет о том...

И выходит так, что не очень просто это — Бога научиться любить!

А вот у тебя — это должно получиться...

* * *

Николай вновь вспомнил испытанное им удивительное чудо внутренней тишины и теплоты в сердце.

Он попробовал позвать Иисуса.

И — ему показалось, что нарастающее состояние любви — уже более не вмещается у него в груди!...

Николай изо всех сил старался не терять то дивное состояние **Присутствия** Бога, которое он ощутил...

И тут — он *увидел* Иисуса!

Всё иное в этот момент словно перестало существовать...

Келью наполнял мягкий, прозрачный, чуть золотистый Свет. И в этом сиянии — стоял Иисус. Живой Иисус! А не образ с какой-нибудь иконы!

Взгляд ласковых глаз Иисуса проникал в самую глубину души! Его слегка вьющиеся волосы, ниспадающие на плечи, чуть заметно колыхались в едва уловимых движениях Света, словно от лёгкого ветерка.

Иисус подошёл к Николаю и коснулся его Своей Рукой. Тело Иисуса не было материаль-

ным, оно состояло из Света и проникало сквозь всё материальное. Но Его прикосновения были вполне ощутимы!

Иисус произнёс:

— Ты хотел видеть Меня! Ты хотел знать, что Я — реален! Вот, Я — перед тобой: Я, познавший Бога-Отца, Я, воскресший в Свете и Истине, — могу быть здесь и говорить с тобой!

Ты можешь учиться делать на Земле Моё Дело! Ты можешь помогать людям понимать Законы Божественной Силы, Которая управляет жизнями всех существ!

Ты можешь помогать людям — в реальности! — жить по Моим заповедям любви, а не просто следовать неким принятым правилам и обрядам! Для того, чтобы этому научиться, тебе предстоит немалый труд! Благословляю тебя на это!

... Когда Иисус закончил говорить, Его облик стал расти более и более, охватывая прозрачным Светом пространство... Как тишина прежде заполняла, казалось бы, весь мир, — так теперь наполняло всё вокруг — **Присутствие** Иисуса! Его огромные нежные Руки словно держали поверхность Земли, на которой живёт множество людей... Это были и те люди, которые любят Бога, и те, кто забыли о Его существовании... А затем Иисус стал ещё больше, больше... Пространство наполнилось Его словами:

— Сии — дети Мои! Люби их, как Я!

— ... Я Иисуса видел и слышал... — прошептал Николай.

— Вот теперь — по Его словам и живи! — подтвердил реальность происшедшего старец Зосима.

Притча о помощи Божией и о том, как помогать людям

Жил некогда старец по имени Зосима. Жил он в монастыре небольшого провинциального городка. Многие чудесные исцеления он совершал. Многим людям помог их проблемы понять и поправить жизни их пред Лицом Бога.

И был у него ученик — послушник по имени Николай. Очень хотел Николай научиться тому, что старец умел: Волю Бога всегда понимать, людям помогать, от болезней излечивать, слова нужные, к осознанию проблем души приводящие, говорить.

* * *

Николай часто бывал у старца, когда тот принимал посетителей. Николай старался увидеть и понять, как позволяет Бог старцу Зосиме чудесным образом затрагивать такие глубины душ человеческих, что слова его — целительными становятся, а наложением рук снимает он боль, возвращает зрение, другие многие болезни бесследно уходят по Воле Божией, через старца являемой...

Николай однажды спросил:

— Отчего не могу я творить исцеления, подобно тебе, подобно Иисусу и Апостолам Его? Я хотел бы, как ты, людям помогать, исцелять. А у меня это не выходит...

Зосима помолчал немного, потом заговорил:

— Не сразу то приходит.

Вот Иисуса тебе дано было видеть зрением души. Голос Божий слышать уже иногда можешь. А ты ропщешь...

— Слышать Бога научиться — это ведь так просто! А вот исцелять, как ты...

— Сейчас в тебе гордыня говорит, что не получается у тебя чудесное творить. А ты не поленись Божий Промысел учиться узнавать во всём! Бывает ведь, что Дело Божие можно исполнить всего лишь руками своими или же словами простыми явить! Чудо добра — и обычным трудом сделать можно, если любовь сердечная тому силу даёт. Ведь куда руки наши для Бога работают — они с Руками Божественными соединяются!

— Я всё это понимаю, учусь тому. Но, всё же, ты вот руки наложил — и здоров человек...

— А ты не печалься! Ты пока трудись — чтобы в беседе с каждым страждущим слова находить нужные и боль душевную унять, надежду дать, смысл жизни человеку объяснить! А словами да теплом душевным — и без чудес видимых великое исцеление души совершенно может быть! От этого — блага, может, и больше будет, чем от исцелений чудесных!

— А исцелять ты, всё же, научишь меня?

— Непременно учить буду! Вот хоть теперь начнём.

Есть Тишина Великая! Божественные Мудрость и Сила — в ней обретаются. В любви сердечной — ты научился уже входить в Тишину эту! Здесь ведомо, ясно душе: Бог всё время живёт рядом с нами. Бог со всех сторон нас обнимает! Бог — Он везде есть... И влево, и вправо, и впе-

рёд, и назад, и вверх, и вниз — сколь бы далеко ни устремились бы мы — везде Он!

В каждой травиночке, в деревце каждом, в птахе любой, в цветочке или животине какой — Силой Божией жизнь поддерживается! Рядом с каждой душой Любовь Божия пребывает, во всём Себя являет. Только смотреть со вниманием нужно!

Всё питают и омывают Его Нега и Ласка!

Его Свет Животворящий — всё пронизывает! Как воздух, которым все существа живущие дышат, есть и снаружи и внутри существа каждого — и большого, и самого малейшего — и каждое живёт оттого, что дышит, — так и Божий Свет, Который сердцу духовному видим: Он — и внутри, и снаружи всего! Всё существует и наполняется жизнью именно от Него, от Его Любви и Всемогущества! И если научишься ты любить Бога всем сердцем, всею душою — то и в каждом существе дыхание Света Божиего научишься ощущать, Волю Божию в каждом проявлении видеть и понимать! И через это — великий Покой придёт: Покой, в котором Любовь Божия Владычествует Безраздельно!

Вот — внутри и снаружи сердца твоего духовного, как внутри сей кельи и вовне её, — есть Бог Вездесущий, Всемогущий, Любящий! Как только можешь, Величие и Безграничность Бога, сотворившего всё, — представь. И затем выйди, распахнув изнутри пространство сердца духовного! Выйди — как из кельи тесной — в Свет Божий, Который везде есть!

Знай, что Свет сей — и есть Дух Святой, великий Делатель Воли Божией! В этом Свете — Ру-

ки Божии, Любовью наполненные! Они тогда возникают в сем Свете, когда есть работа для Них. Словно из ниоткуда возникают Нежные Руки, Которые всё сотворить могут. И тела от болезней могут Они исцелять, направляя Поток Силы Божией живительной — в тела сии.

Если ты — с любовью, забыв о себе — творишь добро, то Бог действует через тебя! И вскоре то, что казалось невозможным — осуществляется! Безграничная Сила Бога стоит за делами человека, который добро сотворяет в согласии с Богом! И когда поймёт человек, что не один он трудится, но Бог в нём работу осуществляет, — начнутся чудеса!

... Николай учился — раз за разом — входить в слияние с Духом Святым, учился ощущать Божественные Руки, учился видеть, как Божия Сила может входить в тело человека для исцеления...

* * *

Однажды в келью к старцу Зосиме пришёл монах один из их монастыря...

Он был бледен, и держался обеими руками за живот...

— Старче, исцели, помоги, животом маюсь, сил моих больше нет... — жалобно простонал он.

— К доктору Фёдору в больницу ступай, он поможет... — почти не глядя на вошедшего, промолвил старец Зосима.

— Отчего ты всех пришлых излечиваешь, а мне, своему, — помочь не хочешь? — в обиде произнёс монах.

— Оттого, что ты, монах, обеты пред Богом давал, а не соблюдаешь! Мясо вкушал, вино пил — вот теперь и боль заслуженно пожинаешь! — мягким голосом, но сурово произнёс Зосима.

— Я же исповедал сей грех, наш настоятель его отпустил...

— Сказал тебе: в больницу ступай! Там вылечат! А заодно Бога проси помочь увидеть, в чём не покаяться, в чём не прав. Да поможет тебе Бог понять: что есть чистота жизни монашеской, а что есть грехи, совершаемые по хотениям собственным...

Монах застонал ещё пуще от боли, надеясь вызвать в старце жалость и сочувствие. И боль у него — точно усилилась.

Он, с трудом переводя дыхание, опустился на скамью.

Николай, присутствовавший при всём происходящем, попросил старца:

— Можно, я ему помочь попробую? Я ведь исцелять очень хочу научиться!

— Помоги: проводи до больницы!

— Я же о другом!...

— Делай, как знаешь..., — промолвил старец и вышел из кельи в монастырский сад, который сразу от дверей кельи начинался.

* * *

Николай старался делать всё, как ему старец Зосима объяснял. Он видел и Свет Духа Святого, и Рук Божественных множество видел, Которые в том Свете пребывают. Но только — словно не

слушались Те Руки, словно не хотел Тот Свет исцеление больному принести...

Николай приписывал все те трудности своему неумению и всё сильнее старался облегчить боль монаха.

И, наконец, у него, вроде бы, получилось.

Удивлению монаха не было предела:

— Ну и дела! Так и ты — теперь умеешь! Боль — как рукой сняло! Старец не смог исцелить, а ты — смог! Видно, стареет Зосима! Ишь ты! Выучился ведь чудеса творить!

— Бога благодари... — тихо произнёс измученный усталостью Николай.

Монах истово перекрестился и вышел...

— У меня получилось! — радостно приветствовал входящего Зосиму Николай.

— Не уверен..., — тихо промолвил Зосима.

— Думаешь, вернётся к нему болезнь?

— Посмотрим... За свои грехи каждый сам ответ перед Богом нести должен! В том помочь лишь можно, чтобы человек понял, как исправить себя, как душу очистить. Надо позволять людям уроки Божии получать...

* * *

Утром Николай проснулся от боли. С ним начало твориться всё то, что было со вчерашним больным монахом.

Первым его порывом было пойти к старцу за советом и помощью.

Но от этой ли мысли или от попытки пошевелить наполненным страданием телом — боль ещё усилилась.

Николай обратился с вопросом к Богу. Пришло понимание, что не во благо исцелил он вчера больного, что столь лёгкое выздоровление тела — повредило душе: не прошла душа те уроки о чистоте жизни монашеской, которые Бог преподнести хотел, не понято, не осознано было то дурное, что могло бы быть исправлено.

Николай стал просить прощения за совершённую ошибку. Стал также думать, как с тем монахом поговорить, чтобы он понял.

Боль стала отступать. Словно океан Света Духа Святого со всех сторон обнял Нежностью и Благостью! Крошечным и ничтожным в этом океане было тело, которое уже почти не ощущало боли! Николай попробовал очистить и наполнить этим Светом своё тело, но сил у него на это совсем уже не было...

В это время к нему вошёл старец Зосима:

— Потерпи, сейчас пройдёт всё!

Старец сел рядом и ласково погладил Николая по голове, словно мама, утешающая маленького провинившегося мальчика, который её совета не послушал.

— Да, прошло уже! — улыбнулся Николай, ощущая, как последние остатки боли покидали тело. Он блаженно улыбался, ощущая, что, в самом ведь деле, похож на набедокурившего мальчика: намекал же старец, что не надо было то делать, но ему так хотелось! Целителем ведь захотел себя ощутить!...

Словно отвечая на его мысли, старец произнёс:

— Не всё нам позволено совершать, что хотелось бы. Иногда Бог людей через боль учит: ко-

гда иначе они понять не могут. И нельзя прежде Божиего Изволения эту боль убирать!

— А меня зачем же ты исцелил теперь?

— То — не я, то — Бог! Ты же всё понял — вот Бог и помог!

Я тоже в своё время немало боли претерпел, прежде чем понял, как Бога во всём следует слушаться. И даже за боль — человек Бога благодарить может: за понимание, которое через ту боль получает!

Хорошо бы прежде, чем человеку помочь, — увидеть, понять: что для сей души — благо, а что — вред!

Но лучше, всё же, стараться помочь, чем убояться помощь оказать из страха «как бы чего не вышло». Без этого — никогда помощи мудрой не научишься!

Ты теперь Великому Покою Божию учиться должен! Тогда всё реже ошибаться будешь! С помощью твоей скороспелой, поперёк Воли Бога идущей, спешить не станешь!

Только тогда Бог через тебя Волю Свою являть сможет, когда твоя воля с Божией Волей соединяются — и лишь одна Его Воля остаётся!

***Притча о добре:
добре свершаемом — и добре не
сотворённом***

В провинциальном городе, стоящем на большой реке, был монастырь. И жил в том монастыре старец, которого многие люди святым по-

читали. Старца звали Зосима. И говорили люди о том, что чудеса по слову старца сего происходят, и судьбы людей меняются и души преображаются!

И купец один богатый, дочка которого исцелена была старцем Зосимой чудесным образом, — больницу в том городе учредил **бесплатную**.

И много людей **приезжало** из дальних мест, чтобы со старцем беседу иметь, совет спросить. Для многих людей помощь Божия приходила через слова того старца и через дела его. И многие после бесед со старцем жизнь свою изменяли пред Лицом Божиим, добро в своих жизнях делать старались...

Но в том же городе и другая жизнь была. Были там и кабаки с гулянками пьяными и поножовщиной. Было и другое, о чём бы и рассказывать не хотелось... Множили люди свои беды оттого, что о назначении жизни души в теле — и не задумывались даже... Причиняли люди своей жизнью несправедливой — и себе вред, и другим беды несли. И мимо чужих бед, не глядя, они проходили... И не задумывались они о том, что творят...

* * *

Однажды в больницу ту бесплатную пришла женщина молодая.

В приёмной она сказала, что нужно ей к доктору самому главному.

Санитарка, записи ведущая, ей в ответ говорит:

— Да вам, милочка, не к нему нужно! У нас для беременных другая доктор имеется, тоже хорошая очень, вы не беспокойтесь! Она из самой столицы приехала. А Фёдор Пантелеймоныч — занят очень, он — хирург, операции сложные делает. Вот и сейчас больного тяжёлого привезли. Зачем его попусту отвлекать?

— Нет, мне с ним непременно нужно поговорить, — опутив глаза, произнесла молодая женщина. — Я подождать могу...

— Ну хорошо, записываю к нему на приём. Как Вас звать:

— Надежда Архиповна Вересова.

В это время в дверях появился высокий красивый широкоплечий мужчина в белом халате.

— Вот, Фёдор Пантелеймонович, женщина как раз к Вам на приём домогается!

— Хорошо, пройдёте в кабинет! Слушаю Вас, присаживайтесь! Только не долго, если можно: у меня операция скоро должна начаться.

Доктор Фёдор сел напротив и оглядел вошедшую.

Молодая женщина в смущении комкала в руках концы шали, которой прикрыты были и плечи, и уже весьма заметно округлившийся живот.

— Мне нужно операцию сделать, я не могу родить этого ребёнка... Я работать не смогу... Я в гостинице у Таисии Павловны работаю...

Она выдавила эти слова через силу, бледнея и краснея, потому что та так называемая «гостиница» была известным местом в городе, где происходили кутежи. И доктор, конечно, не мог не знать этого.

Она ожидала реакции осуждения и презрения на свои слова, но такой реакции не было. Врач смотрел на неё спокойно. Надежда тогда продолжила:

— Я к Ангелине Степановне ходила, она всех нас всегда пользовала, если положение такое случилось. А тут она меня прогнала: говорит, поздно уже, я — не убийца, говорит...

— Значит Вы — ко мне, как к «убийце»?

— Нет же... Я всё не то говорю... Вы простите меня, пожалуйста, простите!... Но у меня нет другого выхода! Совсем! Помогите мне!... Я ведь думала, что он взаправду на мне женится, что новая жизнь может быть для меня — совсем другая: новая, чистая... Поэтому и ждала так долго!... Догадывалась ведь, что обманывал меня: подшутил, просто на спор с приятелями... Да всё не хотела я правду эту признать... А теперь... У меня даже деньги скоплены, я Вам заплачу, может мало, но я потом ещё отдам, сколько скажете...

— Голубушка, да Вы-то сами понимаете, что говорите, что мне предлагаете? Вы предлагаете мне такое дело, которое совести моей противно, да и за которое меня в тюрьму посадить должны! Вы хотите, чтобы больницу эту закрыли за то, что я преступное совершу? Вы хотите, чтобы я лишил жизни дитя, которое может у Вас родиться уже скоро?

Но ведь Вы же — хотели этого ребёнка!...

Есть же ведь другие выходы! Сами говорите, что деньги скопили, на первое время, значит, Вам бы хватило...

Я не мастер вести душеспасительные разговоры. Но я не в праве, не могу и не хочу сделать то, что Вы просите...

В это время в дверь постучали:

— Доктор, всё готово к операции, только Вас ждём!

— Да, сейчас иду!

— Простите, я всё поняла..., извините... — молодая женщина прошептала это побелевшими губами и пошла к выходу...

Доктор Фёдор быстрым шагом направился в операционную. А внутри вдруг словно настойчиво зазвучали слова старца Зосимы:

«А за добро, тобой не сотворённое, кто отвечать будет?»

Доктор Фёдор обернулся и посмотрел вслед уходящей женщине.

Он понял мысли её. Ведь не раз приходилось ему иметь дело с теми, кого едва успели вынуть из петли или откачать после отравления...

Он развернулся и быстрым шагом догнал уходящую, взял за плечи и медленно повернул к себе. Увидел её бледное очень красивое лицо, полный безнадёжности взгляд...

— Пойдите! Послушайте: у меня сейчас нет ни минуты, но Вы пообещайте мне, что дождётесь меня здесь. После операции мы поговорим. Или мне Вас запереть, чтобы Вы над собой чего не сделали? Мы придумаем что-нибудь! Обязательно! Захотите — я Вас тут работать оставлю: убирать, за больными уход делать... Не бывает безвыходного положения, бывает просто слепота душевная! А жизнь ведь человеку — Богом для важного очень даётся! И нужно обязательно

найти, увидеть то важное — и осуществлять его! Вы — такая молодая и красивая! Вы — это понять прямо теперь сможете! Садитесь тут — и ждите меня! И не вздумайте уйти, не дождавшись!

— Хорошо, я подожду, я дождусь... — прошептала Надежда срывающимся голосом сквозь нахлынувшие слёзы.

* * *

Операция прошла успешно. Доктор Фёдор вернулся мыслями к той проблеме, которая была поставлена его утренней посетительницей:

«Ну вот, оставит он её здесь работать. Родит она. Потом устраивать «романы» станет с врачами, с больными... Потом ребёнка бросит и в старую жизнь вернуться захочет...»

Что, смогу я этого ребёнка как своего воспитать? Достанет сил на такое? Вот сам ведь семью так и не смог создать — потому, что ни одна женщина ещё образ жизни такой мой принять не смогла. То есть, что больница — самой главной «возлюбленной» моей стала... А дитя-то малое — ухода и любви требует!

Может, конечно, и смогла бы эта женщина переменить себя, да захочет ли?

Не умею я людям такое объяснять, а надо. Прямо сейчас слова такие найти необходимо... Это старец Зосима умеет людям объяснить, как из тупика душевного выход найти. Вот так — и меня он когда-то спас...»

* * *

Воспоминания нахлынули на доктора Фёдора:

Это было более десяти лет назад. Он некогда был молодым и очень успешным хирургом в знаменитой столичной клинике. И случилось так, что пациент неожиданно умер прямо на операционном столе...

Его тогда официально никто не обвинил. Его пытались утешать коллеги, что, мол, со всеми врачами такое бывает, что это — неизбежный жизненный опыт любого врача...

Но Фёдор не смог это выдержать. Он бросил работу, уехал из столицы в другой город, где его никто не знал... И стал беспробудно пить... И это был — конец: ни тени надежды, тьма со всех сторон...

Он не помнил, кто рассказал ему о старце. Но он вдруг решил, что обязательно должен пойти к нему.

И когда он пришёл к старцу Зосиме, то ожидал он слова утешающие услышать, отпущение грехов получить...

А услышал от него другое:

— Прощения за грех просишь? А за добро, тобой не сотворённое, кто отвечать перед Богом будет?

... Фёдор вновь отчётливо, до мелочей, вспомнил всё происходившее: как он тогда прямо так вот и сказал:

— Я человека убил...

Выплеснул эдакое страшное — и замолчал... И жалко себя стало и горько от жизни своей загубленной...

— Да... Где уж тебе теперь доктором хорошим быть: от водки руки трясутся... — ответил ему старец спокойно.

А потом так ласково в глаза посмотрел — словно к тому человеку обращался, который прежде работал врачом и светлое будущее впереди видел, людей спасать мечтал.

— Откуда Вы знаете, что я — врач?

— Да ты уже и не врач! Ты теперь — вроде как трус, себя жалеющий и дело своё предавший!...

— Я за советом пришёл, а Вы....

— А что я? Правду тебе говорю! От неё тебе страшно стало? Чтобы правды той не видеть — ты водку пьёшь?

Если всякий свой грех водкой поливать — то множество грехов ещё страшнее вырастает!

Будешь меня слушать? Или ты лишь за утешением ко мне пришёл?

— Исповедоваться пришёл... Не знаю как жить с таким грехом...

— Тогда исповедуй: в чём свой грех видишь?

— То моя была ошибка! Если бы не ошибся я — выжил бы этот больной!... А он прямо сразу так и умер...

— А если бы не делал ты операцию — выжил бы?

— Нет, тоже умер бы... Но не сразу...

— Долго и мучительно помирал бы...

— Возможно. Но, если бы я всё правильно сделал, — выжил бы, здоров бы был... Вот и выходит, что я — убийца.

— Бог определяет срок, когда душа тело покинуть должна! И ты, как врач, должен был не раз

на примерах видеть, как выживали и выздоравливали больные, которые по всем правилам медицинским выжить не могли бы! Или, наоборот, должен был бы человек поправиться, а вдруг — сердце остановилось или ещё иначе как. Бывает — и здоровые погибают. Бывает — и смертельно больные выздоравливают.

Без Божией Воли не происходит ничего! Но та Воля — и через людей хороших или дурных осуществляется: через их труды, их подвиги, их преступления или ошибки.

Ощущение своей вины — полезно душе: чтобы раскаяние пришло. Но дальше — человек должен жить и исправлять то, что исправить может!

Если же из вины своей человек себе могилу выроет и надгробие поставит — то это уже вред великий и душе той человеческой, и всем вокруг.

Привыкли люди винить себя лишь за то, что совершили дурного. Но должен человек пред Богом ответ держать и за то, что мог бы доброго совершить, да не совершил!

Вот и смотри теперь: ведь сможет привести к тебе Господь множество людей, которым именно ты помочь способен, — если одолеешь ты свои немощи и к себе жалость, и вновь дело, к которому призван, делать начнёшь!

... И увидел Фёдор словно картины пред ним проплывающие: много-много людей — и деток, и молодых, и пожилых, которые через него-врача исцеление получают...

Старец Зосима продолжил, словно знал, что внутренним взором видел Фёдор:

— Это всё — люди, которые умрут прежде срока, если ты вновь к работе своей не вернёшься! Велика будет твоя вина пред Богом — за тех, кого ты не спас, потому что дело своё главное ты оставил!

Легко сейчас тебе спиться, потакая своей ничтожности! Легко предать предназначение своё! Проще всего — не менять себя и оставить всё, как есть! И плакать оттого, что «всё — так плохо!», — до конца дней своих! Но это — так же, как не лечить болезнь тела! Да, неизбежно, будет тогда всё хуже и хуже! И тело, в результате, скоро умрёт!

Подобно тому — и то: если болезнь души не лечить, — не разрешается проблема та со смертью тела! Потому как душа-то — бессмертна! И она за жизнь свою ответ пред Богом держать будет!

Если не преображать себя, не спасать от губельных пороков: страха, уныния, безволия или других иных — то всё хуже и хуже будет!

Как ни отворачивайся от той проблемы, что Богом пред человеком поставлена, — неизбежно придёт в будущем её понять и разрешить!

Торопись помочь и себе, и другим! Не расплёскивай напрасно из сосуда своего «воду жизни», что тебе Богом отмерена для служения важного!

Думают люди, что только совершённое зло — грех пред людьми и пред Богом. Но добро несотворённое — грех также!

Вот, если человек в реке тонет. А другой человек, который ему помочь может, — мимо идёт. Если не спасёт он утопающего, то, вроде, всем

понятно, что несотворённое добро — гибель человеку тонущему принесло.

А вот — если в соседнем доме дети от голода страдают?

Иль если несправедливость человеком жестоким творится?

Если вокруг себя посмотреть со вниманием — то очень многие беды видны станут! То — беды, что люди или внутри себя несут, иль — что вокруг себя сотворяют, множат... Утопают души в сих бедах! Кто-то видит их, кто-то не видит... И когда человек живёт, замыкаясь на собственном горе, то не замечает он, как много страданий вокруг, которые он уменьшить бы мог!

Но когда человек другим людям помочь стремится — то и к нему самому помощь Божия приходит!

Однако добро совершать нужно не поглупому, с различием помогать надо! Учиться сему нужно! Может, всю жизнь свою нужно тому учиться!...

Добро — это не обязательно только то, чтоб кого-то из реки вытянуть, от болезни страшной излечить. Но иногда вовремя сказанное слово — от поступка губительного человека спасти может! Иногда просто с молчалием и пониманием человека выслушать нужно, чтобы он сам разобрался: где добро, где зло, где правда, где ложь!

Так Иисус с людьми умел говорить.

Даже из глубины порока и греха — Бог человеку подняться может помочь! Вот, Апостол Павел, к примеру, был убийцей и злостным гонителем христиан. Но узнал он Бога в Иисусе, Которо-

го услышал однажды, — и сумел переменить себя!

Есть высшее предназначение в жизни человеческой: возвыситься душой до состояния Христа!

Не каждый сразу так жить сможет. Но очиститься и преобразиться — может каждый человек постараться!

А помощь ближнему своему оказывать сильную — это всякому дано совершать!

И ещё — есть дело, которое каждой душе в жизни её земной предрасположено: один — лечить болезни может, другой — дома строить, кто-то — детей учить, кто-то — картины рисовать, кто-то — песни или музыку слагать.

Когда человек то своё дело в жизни находит, которым более всего любви и добра принести людям может, — то счастлив он внутри от работы своей! И — много пользы всем вокруг от его трудов, даже если просто хлебы печёт или улицы от сора очищает! Также и тот счастлив и праведен пред Богом, кто землю возделывает или сады растит! Или тот, кто музыку Божественную душой слышит и до людей её донести старается! Или тот, который детей растит-воспитывает.

Твой же удел — лечить людей от болезней! И если не будешь назначение своей жизни исполнять, то велика будет вина твоя за тех, кого мог спасти и не спас!

Хочешь помогу тебе теперь?

— Да, хочу.

— В городе нашем купец один богатый больницу выстроил. Положил жалование и докторам, и сёстрам, и для больных всё бесплатно должно

в ней быть. Хорошая может стать больница, если доктор хороший ею руководить будет. Правда, не столица здесь, не много славы будет у него... Согласен ты эту больницу возглавить?

— Я... Разве я смогу?

— Один — не справишься, а с Божией помощью — сможешь, если захочешь. Просто — не будет! Но хорошо — может стать! Вот — епитимью тебе за грех твой наложу: никогда более спиртного в рот не бери — до самой смертной минуты!

Сам теперь выбирай: либо себе могилу копаешь — либо других от смерти спасаешь!

Ну, на что решился?

— Да, я попробую это исполнить!

— Понимаешь ли — что нужно, чтобы всё сие осуществилось? Божия Воля? Да. Но не только! Твой труд, твои усилия каждодневные нужны! Твоими руками — Бог может многие чудесные дела сотворить!

Если ты не начнёшь дело сие, то кто же его за тебя сделает?

... Фёдор помнил, как тогда старец говорил с ним: то строго, то ласково, словно с ребёнком малым...

Сумел старец Зосима повернуть его к жизни новой! Слово вылечил он тогда от адского кошмара, словно родился заново! Спиртного с той поры больше в рот не брал никогда! И вера в себя и в Бога — вернулась! И больница вот уже десятый год работает! И — сотни жизней спасённых! А сколько людей хороших Бог привёл и рядом работать поставил!

* * *

«Господи, помоги слова найти нужные!» — глубоко вздохнув, доктор Федор направился туда, где ждала его утренняя посетительница.

Он вдруг словно увидел ласковый взгляд старца Зосимы и полностью успокоился. Такой покой обычно опускался на него перед сложными операциями, когда нет суеты мыслей, когда всё внутри собрано в некое единое состояние и каждое действие как бы внутренним чутьём безошибочно определяется.

Он вошёл в комнату, где ждала его Надежда.

Она сидела у окна, и удивительной красотой и нежностью сияло её лицо.

Фёдор понял, что решение она уже приняла: она обязательно родит и воспитает дитя, которое носит. Что бы ни сказал он теперь — главное она для себя уже решила!

Он сел напротив. Усталость от проведённой операции отступала. Но, что сказать — он по-прежнему ещё не знал...

Она подняла на него удивительной красоты глаза и тихо спросила:

— Как у Вас операция прошла? Всё получилось?

— Да, надеюсь, что теперь всё будет хорошо.

— У меня тоже всё теперь хорошо непременно будет! — ласково улыбаясь чему-то новому, ещё неведомому и прекрасному, сказала Надежда. — Спасибо Вам, Вы мне помогли очень-очень! А работу я себе найду, шить буду на дому или ещё что придумаю...

Она опять улыбнулась нежно:

— Пойду я...

— Пойдите! Надя, выходите за меня замуж!

Она посмотрела на Фёдора наверное так, как смотрела на Иисуса Мария Магдалина, когда её камнями побить хотели, а Он за неё вступился...

* * *

В скором времени после свадьбы в семье у доктора Фёдора и Надежды родилась дочка. Её назвали Софией. Крестил её старец Зосима. И оттого, наверное, так и повелось, что девочку все стали ласково звать Зосей...

Но про неё — это уже другая история...

Притча о Храме

Был монастырь небольшой в городе провинциальном. В том монастыре жил старец по имени Зосима.

И молва о том старце даже до столицы дошла. Оттого сей старец известен стал, что чудеса Божественные сопровождали многие деяния и слова его, а советы, что он давал, людям помощь великую приносили.

И вот однажды настоятелю монастыря архимандриту Игнатию доставили сообщение, что едет в их монастырь к старцу — министр. Да не просто министр, а человек, весьма к государю приближенный!

Настоятель к себе призвал Зосиму и сообщает:

— Завтра к тебе министр прибудет, ты уж там... постарайся, Зосима! Хорошо бы, чтоб он на храм новый монастырю деньги пожертвовал, а не мелочью какой отделался!

Старец Зосима голову опустил и говорит тихо:

— Ты, Игнатий, зачем слова такие говоришь, мысли такие содержишь? Ещё не знаем мы, сумеем ли помочь тому человеку, — а ты уж и благодарность от него ищешь...

Игнатий, не привыкший к тому, что кто-то смеет ему замечание сделать, возразил весьма сурово:

— Что это ты, Зосима, — учить меня вздумал? Так-то ты о благе монастыря печёшься?! Славу себе чудотворца-бессеребренника сыскать хочешь? А то, как, словно нищий, в обитель сию пришёл, — то забыл? Как ты сюда, в память о нашей дружбе прежней, принят был и обласкан — не помнишь? А что живёшь ныне не по уставу строгому, с моего, между прочим, разрешения, — не разумеешь?

— Не забыл я, Игнатий! И дружбу нашу не забыл! И добро твоё всё помню! Я всегда всё доброе помню, а всё злое и дурное забываю — яко не бымши то...

— А если помнишь, то и отблагодарить бы мог! И меня, и обитель, что тебя приняла!

Знаю я, как ты поступаешь да мыслишь! Ты бы всё имущество монастырское роздал бы — кабы тебе власть дать! Вон — больницу на пожертвования какую отстроили! А храма нового — и по сей день нет!

А это, Зосима, — может, мечта всей жизни моей: чтобы после моего управления монастырём здесь храм новый остался, во славу Божию возведённый! Не молоды мы уж с тобой, подумать следует: что после себя на Земле оставим?!

— Не смогу о том просить... Сам скажешь после, если сложится всё... Отобедать позовёшь — и скажешь, о чём мечта твоя. Пойду я... — ещё тише, почти шёпотом, произнёс Зосима.

Он опустил голову, словно от стыда, и уже было хотел направиться к выходу.

— Ты хоть обещай, что с министром постарайся! — уже совсем не грозно произнёс настоятель.

— Прости ты меня, Игнатий! Ничего не могу обещать! От человека того и от Бога — зависеть всё будет... А ты да я — только лишь слуги Его, лишь орудия Его Милости...

* * *

На следующий день в монастыре суэта началась, потому как никогда ещё гость такого ранга не приезжал.

И вот к старцу Зосиме прибегает монах и сообщает, что прибыл тот министр.

А Зосима говорит:

— Подождать ему надобно. Пусть посидит в комнате той, где все ожидают. Прежде него — других людей Бог привёл, я их прежде и выслушаю.

— Да что ты, Зосима?! С ума сошёл, что ли?! Это же — министр! Как можно, чтобы он ждал?!

Тебя ведь ещё вчера упреждали, что он прибудет!...

— А министр — он что — не человек? А что есть — человек? Душа, что пред Богом живёт, в тело одетая... А то, какие тому телу чины присвоены, — то Богу не интересно! У Него для людей другие отличия имеются! Так что — пусть своей очереди подождёт.

— Да как ему сказать такое?! Вот ты, Зосима, иди — и сам говори!

— Да я уж и сказал, — улыбнулся Зосима...

И действительно, в это время перед распахнутой дверью уже стоял сам министр в сопровождении ещё одного монаха. Министр слышал слова старца, который специально говорил нарочито громко...

И неожиданно для всех министр поклонился старцу Зосиме и спокойно согласился:

— Да, я подожду... У Бога на том свете с людей другой спрос будет, чем в миру... Покажите мне, где обождать.

Старец Зосима спокойно приготовился выслушивать своих посетителей. А министра проводили в комнату, где ожидали приёма приходящие в монастырь люди.

* * *

Министр был высокого роста, крупного телосложения, лет пятидесяти или чуть больше. Волосы его уже были тронуты сединой. Он был в чёрном сюртуке, а не в мундире. Видно было, что он готовился к этому приезду заранее, многое продумал...

Когда монах, его сопровождавший, начал говорить, что сейчас настоятелю доложат и сделают так, что незамедлительно примет его старец, министр спокойно возразил:

— Не надо! Пусть он своё дело делает! Вы его не тревожьте, я подожду. Сколько ко мне народу на приём каждый день в очередях томится!... Вот и я сам теперь оказался в очереди — за Божией милостью!

Он опустил своё большое тело на скамью рядом с маленькой сухонькой старушкой лет восьмидесяти...

Она быстро-быстро вязала носок, орудуя спицами, и при этом на рукоделие своё не смотрела вовсе, а ласково говорила утешающие слова своей соседке, которая платком вытирала слёзы:

— Ну вот, говорила же я, что не прогонят нас! Бог-то — Он — есть! И старец всех пришедших примет!

Министр был человеком не глупым и догадался, что всех посетителей хотели прогнать, чтобы одного его старец выслушивал.

Он с любопытством оглядел старушку.

Та в ответ тоже обратила на него своё внимание:

— Ты, мил-человек, не беспокойся, я тебя не задержу совсем, я мигом обернусь! Мне уже прежде помог старец, я теперь только носочки и рукавички ему снесу, пусть он ими людей хороших одарит!

Она показала на холщовую сумку, в которой аккуратно были сложены её изделия: маленькие — для деток и большие — для взрослых.

— А хочешь я и тебе, мил-человек, носочки подарю? Тёплые! Наденешь на ночь — и как у Христа за пазухой спать будешь!

С этими словами старушка вынула из сумки пару шерстяных носков и протянула их министру.

Он взял носки чуть задрожавшей рукой...

— Давай я у тебя их куплю, тебе ведь деньги не лишними будут, — произнёс он, протягивая старушке крупную ассигнацию.

— Да что ты?! Это ж — монастырь, а не базар! Так вот — и прими во здравие!

Они помолчали...

— А скажи, в чём тебе старец помог, если не секрет? — спросил министр старушку.

— Да много бед на мою долю выпало... Всю семью Господь забрал, а меня, старую, одну оставил. Вот сидела я у могилок родных, да плакать уж слёз не было, почернела от горя вся... Не знала как просить, чтоб призвал и меня Господь к Себе... И жить возможности нет: и не на что, и нет для чего! А смерть — не приходит!

А тут паломница одна сжалилась — и меня к старцу привела.

И научил он меня тому, как в радости с Богом жить! И — чтобы родные мои на том свете не печалились, на слёзы мои глядячи! И ещё присоветовал он мне козочку завести, Марусеньку мою! Вот так пока и живём. Она мне — и кормилица, и поилица! И по грибы, и по ягоды вместе ходим, и травы целебные с ней собираю. А зимой — шерсть её пряду. И вот вяжу носочки да варежки — и для деток, и для больших. Для всех — словно для родных своих!...

А в прошлый раз намекнул мне старец, что, видно, недолго уж мне осталось ждать: преставлюсь скоро, слава Тебе, Господи! Вот и тороплюсь отдать то, что навязала: ведь зима уж скоро! А козочку мою соседи взять обещали, не пропадёт Марусенька!...

Ох! Мой уж черёд, заболтала я тебя, мил-человек, ты уж прости!...

Старушка скорее подхватила своё вязанье и сумку — и поспешила идти к старцу.

* * *

Дошла очередь и до министра.

Старец Зосима приветствовал его ласково:

— Ну заходи, Алексей! Молодец, что своего часа спокойно ждал! Это тебе помогло уже!

Теперь расскажи, в чём страх твой.

— Да глупость одна! Говорить стыдно! Но не могу избавиться никак от этого страха...

Нагадала мне одна гадалка, что ждёт меня смерть от руки убийцы — революционера-террориста...

И я теперь в каждом незнакомом человеке подозреваю, что он и есть мой убийца, что он — сей момент — пистолет вынет и выстрелит в меня! Или в руках у кого-нибудь свёрток подозрительный увижу — и сразу думаю: бомба! Охрану удвоил! Из дому стал бояться выходить! Спать не могу: кошмары снятся!...

И исповедовался уже, и причащался, и дом освятить просил... И к врачам ходил, снотворное пью... А всё — так же!

Умом понимаю, что глупость это, что от судьбы своей не убежать! И знаю, что смерть с каждым человеком случится в любой момент может, что на всё — Божия Воля!

Но да измучил меня этот страх! Как в аду живу!... Помоги! Не знаю как мне быть!...

В этот момент старец вдруг резко поднялся — и бросил в министра что-то круглое... Он попал точно в грудь...

Министр, теряя сознание от страха, грузно повалился на лавку...

... Он увидел своё тело сверху... А по полу медленно катился какой-то предмет, которым кинул в него старец...

А вокруг был *Живой Свет* — ласковый, нежный! И позволено было Алексею войти в тот *Свет*... И стало ему — так хорошо, что и передать невозможно! А потом ощутил он, что словно тянет его назад из этого *Света* что-то серое, словно тяжкий груз. И увидел он, что есть тот груз, который в *Свете* остаться не позволяет... И — всю жизнь свою он увидел: и проступки свои пред Лицом Бога значимые, и то, что хорошего уже смог и сможет ещё он сделать...

... Когда министр снова ощутил себя в теле, старец Зосима стоял рядом и протягивал ему кружку с водой:

— Ты попей, Алексей!

Министр пил воду маленькими глотками, медленно осознавая происшедшее с ним.

Старец сел рядом.

Слова были не нужны. Понимание — словно прорастало в душу.

Они так долго сидели, погружённые в *тишину*, в которой Божие Присутствие — явно. В *тишине* той понимание приходит без помощи слов.

— Вот уже и не будет у тебя больше страха пустого, глупого — потому как смерть свою ты познал уже. И, что Бог тебе показал, — то не забывай за суетой мирской! Если сумеешь исправить дурное в себе и совершить благое, пока тобой не совершённое, — то не зря проживёшь срок, что тебе на Земле отмерен! — не спеша, после молчания долгого произнёс Зосима.

— Скажи, старец, а чем это ты в меня вместо бомбы кинул?

— Да это старушка Матрёна тут свой клубочек ниток шерстяных позабыла, так вот он и пригодился! — ласково улыбнулся Зосима.

... Министра проводили на обед к архимандриту Игнатию. А к старцу вновь стали заходить другие посетители...

* * *

И в самом деле, министр тот много хорошего стал пытаться совершать.

И просьбу архимандрита Игнатия он исполнил: на строительство храма нового в монастыре деньги большие прислал.

... Однажды, глядя на то, как продвигается строительство, послушник Николай, ученик старца Зосимы, спросил его:

— А ты сам бы — на что те деньги истратил бы, если бы тебе их отдали?

— Не моё дело — то решать! Вот для настоятеля нашего сей храм — радость великая! Для

монахов многих — тоже радость! Для прихожан — сие тоже значимо...

Старец улыбнулся:

— Прав был Игнатий: из меня бы никогда хороший настоятель монастыря не получился! Я бы, наверное, Аксиньи, что тебя когда-то приняла да ко мне направила, те деньги отдал. Она бы приют для сирот открыла, да пристанище временное создала для людей, которые в положение трудное попали. Умеет она людей различать! И через отношение к человеку внимательное — помощь ему нужную умеет оказывать.

Ведь не только через земные храмы человек к Богу приближаться должен! Божие Присутствие — везде ощутить можно! Божию Волю — человеку везде осуществлять хорошо бы!

Задача души, на Земле живущей, — воздвигнуть внутри себя *Храм! Храм* — для Бога Живого!

Храм сей — из сердца духовного, любовью наполненного, создается! И тогда Бог — в сем Храме поселиться может! И живёт тогда Бог — в душе того человека! И становится тот человек тогда — *неотделённым* от Бога! Становится такая душа — Божией душой! Такие души — и есть *званные в Жизнь Вечную!*

А те, кто при жизни своей земной не ищут Бога, — те и после смерти не найдут Его!... Выходит, что зря они жили: не о том радели, не то делали...

— И что — бесполезно вовсе, значит, было их существование на Земле?

— Ничего бесполезного Бог не создаёт. Всё имеет и пользу, и назначение. Это относится к жизни каждого существа: также и среди животных, и деревьев, и травок да колосьев. Но только

— различное у каждого существа назначение. И польза для Бога от их земных жизней — тоже разная.

А для людей значимо, чтобы они о назначении жизней своих понимание осмысленное имели!

Люди ведь — они есть не твари бессловесные, кои, хоть и имеют предназначение своё, да сами понимать его не могут: то есть, то, какую пользу жизнью своей они приносить должны...

Но люди — назначение жизней своих понимать бы могли!...

Вот смотри — тебе пример:

Видишь тех людей, что новый храм в монастыре нашем строят?

Среди них есть те, кто мыслят всего лишь так о работе своей — что камни они носят.

Есть и те, кто думают, что ту работу они исполняют, за которую им деньги платят. И — что на те деньги они жить хорошо станут.

А есть среди них и те, кто силы свои в это дело вкладывают потому, что храм земной для Бога строят, и важным именно это они считают. И работа их — именно потому радость им приносит!

Так же вот — в жизни всей своей может человек трудно жить, словно камни тяжкие таскает, и при этом не видит он в жизни своей смысла. И нет ему от существования такого — ни света, ни радости, ни пользы почти никакой!

Другой может жить так, словно работу свою он — по обязанности выполняет и за то плату получает: хорошо поработает — много получает, плохо поработает — мало получает.

А может человек назначение жизни своей — пред Отцом Небесным осознавать! И тогда — и жизнь его вся преобразуется!

Каждое дело такого человека — с любовью к Богу сотворяется, хоть оно малое, хоть большое! Каждый день жизни — значимым становится! Потому как всё новые кирпичики укладывает он в строительство себя-души. Каждое дело доброе — таким кирпичиком становится!

И растёт любовь сердечная у такого человека! И осознание себя-души пред Богом укрепляется! И Бог ему тогда — в каждом деле — Помощник, Советчик и Друг!

Тогда начинает он строить *Храм для Бога* — в сердце духовном своём!

... Храмы земные — нужны. Но они — только лишь символы того, что Бог и здесь на Земле живёт, на нас всегда смотрит! Словно напоминают они человеку про Небеса, про жизнь иную, про Отца Небесного!

Но в храме земном может человек бесчувственным чурбаном стоять и Божие Присутствие не осознавать.

Можно и иначе: в каждом месте, где бы ни был человек, он Бога в Храме, выстроенном им в сердце его духовном, ощущает. И неотделен тогда от Бога сей человек, и в Небеса ему лестница открыта!

Преобразить себя как душу, став душою — вроде свечи огромной горящей, которая светит и тьму разгоняет, — это ведь тоже есть работа, совершаемая для Бога!

Это значит — преобразить себя-душу в *Огонь Любви Божией*, освещающий и *Храм Сердца*, и всё пространство вокруг!

Только не все считают это работой...

Но ведь это есть самый важный труд в жизни человеческой! Ибо он — для Бога!

... Свеча — она маленький огонёк свой создаёт, и свет от неё — не велик. Но рождается *надежда*, когда на такой огонёк смотришь: будто тьма более не властна там, где уже горит свеча...

Но *Огонь Любви*, разожжённый в сердце духовном, — может быть огромным!

... Ведь может каждый жить жизнь светлую и радостную, освещённую любовью сердечной!

Отчего свет в сердце духовном зажигается? И отчего бывает так, что нет любви в душе?

Присутствие Божие в сердце духовном — тот *Свет* зажигает! Любовь Божия на других льётся из сердца такого человека — и от этого загорается и в других сердцах тот *Свет*!

А потом — всё сильнее и сильнее может становиться *Огонь Любви* в душах!

Вот слышал ты слова «очаг домашний»? Так — о том доме говорят, где любовь царит. А о том доме, где нет любви, — так не скажут!

Огнём, всех вокруг согревающим, питающим, хранящим, — может стать человек, в котором *Любовь Божия* укрепилась!

И не обязательно то для таких людей — чтоб одной семьёй жить. Можно ведь именно так — и к любому человеку отношение строить, если помнишь, что все люди — дети Божии: братья да сёстры друг для друга!

И может такой человек нести в себе Свет Божий!

Всё сильнее Огонь Любви в душе горит! И тогда — познаёт человек, что значит Сердце Христово! То есть, познаёт он Любовь Божию Всеохватную!

И — сияет отныне в душе Источник Любви Божией Неугасимой! Это — подобно Солнцу! Солнце — все существа равно освещает и согревает!

Вот так и следует Храм Божий строить, освещать и светить из Него, служа тем — Богу и людям!

Притча о смиренномудрии и о жизни монашеской

***По смиренномудрию почитайте один другого —
высшим себя!
Фил 2:3***

***Когда потерпишь бесчестие — радуйся: ибо,
если это несправедливо, то велика тебе награда за
это, а если справедливо, то, учеломудрившись через
то, избавишься от бича наказания.
Из Аскетических наставлений
Нила Синайского***

В смиренномудрии никогда не бывает поспешности, торопливости, смущения, горячих и лёгких мыслей, но во всякое время пребывает смиренномудрый в покое. Ничего нет, что могло бы его изу-

мать, смутить, привести в ужас... Но всё его веселье и радование — в том, что угодно Владыке его.

Смирennemудрый,... когда преклоняет он лицо своё на землю и внутреннее зрение сердца его вознесено к вратам во Святое Святых,... — осмеливается только так говорить и молиться: по воле Твоей, Господи, да будет со мною!

**Из Подвижнических наставлений
Исаака Сириянина**

В монастыре небольшом, расположенном в городе провинциальном, на берегу реки большой стоящем, жил старец Зосима.

Много лет помогал он людям — с Божией Помощью. Многие чудесные исцеления совершались Богом через того старца.

И многие другие события происходили от трудов его, хоть люди их чудесами и не считали. Обретали люди, с ним беседовавшие, веру, надежду и любовь, учились жить осмысленно и в согласии с промыслом Божиим.

И был у старца ученик — послушник по имени Николай.

* * *

Николай однажды старца Зосиму спросил:

— Зосима, а ты отчего монахом захотел стать? Ты о семье, о детках не мечтал? Сразу — только о Боге?

— Нет, не сразу. Всякое в жизни было...

И о детках мечтал. Да только так Бог распорядился, чтобы все чада Божии мне детьми ста-

ли. Чтобы — не о своих только детках заботу имел.

Вот живут люди — словно сироты на Земле-Матушке, Отца-Бога не чувствуют! Живут в одиночестве своей и молят Бога — как «Неведомого Грозного Судию» — о милости! А сами они не ощущают Того, с Кем говорить, вроде бы, пытаются. Любовь Его Великую — не ощущают! И в ответ — любовь свою Ему не дарят!

Словно забыли люди про прекрасные возможности, ими от Бога полученные! Разучились они Отца Небесного и видеть, и слышать, и понимать! Разучились чудеса от Бога творить...

Отчего люди так живут, словно Бога и не существует вовсе? Отчего сами себя в ад на Земле при жизни ещё тел своих погружают они?!

Оттого, что чистоту душ люди утратили! И, чтобы возвратить сию чистоту, должен человек, прежде всего, восхотеть этого!...

* * *

В это время молодой послушник пришёл в келью к старцу Зосиме. Перекрестился, поклонился в землю, пожелал здоровья и Зосиме, и Николаю.

Затем он спросил:

— Как бы мне научиться Голос Божий слышать?

— Ответ ему ты, Николай. А я слушать стану.

История с исцелением больного монаха очень сильно повысила уважение, с которым в монастыре к Николаю относиться стали. И слу-

шать его уже многие были готовы, хоть монашество он ещё не принял.

Николай начал:

— Чтобы слышать Божий Голос, надо научиться пребывать в тишине сердечной. То есть — в безмолвии ума, в тишине расширенного сердца духовного. Вот в этом состоянии сердца, любовью отворённого, тишиной и теплотой наполненного, — и понимаем мы Господа! В духовное сердце, очищенное и отверстое, Иисуса позвать можем.

Сердце духовное поначалу ограничено размерами тела. Но это — только вначале, пока не научилась любовь души расширяться и сливаться с Божией Любовью, Которая границ не имеет!

Божие Сердце — Безгранично! Оно всё и всех вмещает, всё охватывает Своей Любовью!

А для начала, вдохни и выдохни медленно — несколько раз. Ощути то пространство в груди, которое воздухом заполняется. Это и есть то место, где расположено сердце духовное.

Попробуй из центра этого во все стороны любовь послать ко всем творениям Божиим!

— Как так? Любовь ведь — ко грехопадению привести может?!

— То — не любовь, то — похоть! Любовь же — это лесенка, что на Небеса верную дорогу указывает! Любовь — это светильник души, что среди любой тьмы и зла верный путь позволяет видеть!

И даже не то следует похотью считать, когда влечение у мужчины к женщине возникает или у женщины к мужчине... То влечение душ друг к другу — любви и заботе научить призвано! То для

людей, в миру живущих, есть помощь великая в обретении умения любить!

А вот жизнь лишь по хотениям своим дурным — и следовало бы похотью называть! И не важно, чужой жены человек возжелал, или пищи греховной во чревоугодие своё, или от другого человека того хочет, что тот человек ему дать не может.

Любовь же, в отличие от похоти, — это когда для другого, а не для себя человек мыслит, желает и делает...

Вот, можно научиться смотреть из сердца духовного вперёд, чтобы взгляд души обласкал, как луч солнечный, всё, на что смотришь! И назад можно научиться смотреть: туда, где всегда рядом Бога сможешь потом узреть.

Когда начнёшь Свет Неземной глазами сердца видеть — приходи ко мне или к Зосиме: дальше тебе расскажем.

В тот момент из окна кельи видно было, как в храм вносили тело для отпевания...

Послушник молодой спросил старца:

— Ты, Зосима, можешь ли, как Иисус, того человека к жизни вернуть?

— Не могу: не нужно Богу продление жизни сего человека в теле этом изношенном...

Увидь, что Иисус не всех исцелял, не всех из мертвых к жизни земной возвращал. Не для того ведь Он трудился, чтобы калеки ходить смогли и слепые прозрели! И не для того, чтобы в тела, которые смерти уже отданы, души возвращены были! Кабы только излечивал он больных — то не помнили бы о Нём тысячелетиями люди на Земле. Но явлена была Сила Божия через Иисуса —

чтобы Учение от Бога люди уразумели, жить по тому Учению стали!

Человек есть душа, не умирающая вовсе со смертью тела! Причём душа при жизни тела своего способна научиться жить в соединённости с Богом.

Вот — тело мёртвое, что во гробе лежит. Оно — то же, что и при жизни было: есть и руки, и ноги, и голова, и сердце... А не живо тело сие! Оттого это, что Бог вынул душу живую из него!

Так душа с телом, по Божией Воле, и соединяется, и разъединяется.

Стало быть, важно то, что человек сможет успеть совершить, пока Бог тело его жизнью наполняет. А зависит это оттого, на что силы свои и помышления человек направит. Вот ты — монахом стать хочешь, похвально сие желание! А кто такой — монах? Это тот, кто один на один с Богом живёт, и всё, что делает, — то для Бога!

Ты вот Бога слова и советы слышать хочешь. Хорошо это, важно! Самый простой способ для того — к голосу совести начать прислушиваться.

Совесть — это проявление Голоса Божиего в человеке, самое первое проявление. Через внимательное к тому отношение — затем вполне явным может стать Голос Божий!

Если же укору совести старается человек не замечать, отворотить пытается своё внимание от проблем, стоящих перед ним, поступает против совести по хотению своекорыстному, — то смолкает постепенно тихий голос совести. И перестаёт душа тогда ощущать проблемы, которые решать надо. Так человек может в пучину греха опустить-

ся. И живёт он — без совести, без Бога! Такого и называют — бессовестным.

Если же человек к голосу совести со вниманием отнесётся и станет стараться так поступать, чтобы не в чем было бы себя укорять, — то очень скоро сможет он и Голос Божий услышать, который ему всегда совет дать готов!

Научись за тем, как живёшь пред Богом, со вниманием смотреть! В чистоте душу блюди — и тогда легко всё будет: сумеешь ощутить сердце духовное, Бога ощущать начнёшь!

* * *

Оставшись вдвоём, старец Зосима и Николай продолжили разговор о жизни монашеской. Много уже о том было сказано, но вновь коснулись они этой темы:

— Есть для тебя теперь тот выбор, который не всем предоставляется. Знания и умения, которые у тебя теперь есть, обычно лишь немногие после долгих лет жизни монашеской обретают. А ты многому уже успел научиться: Божию Волю ощущаешь, Бога советы слышишь. Можешь ты и в миру теперь то, чему от меня научился, начать совершать. Пред Богом — монахом останешься, а пред людьми — о Боге свободнее изъясняться сможешь.

Вот не станет меня здесь — не легко тебе будет, по-всякому жизнь твоя повернуться может...

— Ты меня испытываешь вновь? Моё решение — твёрдое, и к мирской жизни нет во мне более желания. А суровость жизни монастырской —

гордыню во мне уменьшит, да смиренномудрия добавит...

Зосима замолчал. Словно оглянулся взором внутренним на путь пройденный... Вспомнил, как гоним был и унижаем, как обвиняли его в прельщённости кознями дьявольскими за то, что... Бога слышит! Как через те трудности — ещё более он с Волей Божией соединился...

Он ничего не рассказывал Николаю о том.

Николай догадывался о многом, но сам про то не спрашивал. Заговорил о другом:

— Можно, спрошу тебя теперь, отчего не ты монастырём этим руководишь? Правила монастырские многие ты ведь поменял бы... И отчего не учишь ты всех монахов тому, чему меня учишь?

— Хороший вопрос ты задал. Видно, тебе самому в будущем то придётся делать, за всех людей в этом монастыре отвечать будешь...

А чтобы научить человека чему-либо на поприще духовном — желание двоих необходимо: того, кто учит, и того, кто учится.

Бывает так, что пришёл человек в монастырь и принят был — и уже от одного того считает, что к святости приблизился. Ибо, мол, уход от соблазнов жизни в миру есть его подвиг великий...

Часто думает такой человек, что теперь — настоятель за него ответ пред Богом несёт, жизни с Богом его наставляет, грехи его отпускает... И — что сама уже жизнь в монастыре к Богу его приближает... Не так это! И в монастыре можно, как в миру, жить, страстями будучи повязанным!

Себя поменять — только сам человек может! От пороков — сам лишь душу очищать должен!

Бог лишь того к Себе подпускает, кто так живёт! Будь рядом хоть святостью исполненный наставник, но не сделает он чистым ученика, который сам чистоту в себе не блюдет! Лишь подсказать чуть-чуть может тот, кто изъяны души зорче видит: в чём грех есть, да как сей порок исправить.

— Да, прав ты. Я вот тоже часто на тебя — более, чем на себя самого и на Бога полагаюсь. Думаю, что ошибаться я могу в понимании Воли Божией...

— ... И полагаешь, что я никогда не ошибаюсь и что тебя от всех ошибок уберегу... — старец Зосима и Николай рассмеялись дружно.

Зосима вновь внутренне порадовался умению Николая каждое его слово слушать со вниманием. И — не только о проблемах других людей в тех словах понимание обретать, но и в себе самом даже самые малые крохи неверного мышления отслеживать: «Не зря Бог привёл, не зря учу! Может, и вправду осилит он служение истинное, великое! А может — и весь монастырь потом на себя примет...»

Они продолжили разговор:

— Многие люди полагают, что, если грех в церкви священником отпущен, — то и не стало греха. А оно — не так. И очень важно тебе научиться объяснять это людям!

Ведь порока в душе не станет — только когда каждый поступок грешный противен душе будет! То есть, когда не захочет и не сможет человек непотребное совершать! Вот тогда, значит, — испустил он свой грех!

Есть среди братии нашей те, кого Господь помог научить тишине внутренней. Они любви сердечной учиться стали. Да вот ведь! — не все поняли, что именно необходимо это: что лишь сердце духовное, Богу открытое, позволяет воистину жизнь монашескую вести! Только сердце, любовью наполненное, позволяет душу очищать, любое деяние — как служение Богу совершать!

Николай со вниманием слушал, потом сказал:

— А я вот ещё не всегда могу ум свой смирить... Осуждение того, что дурно, во мне порой возникает. Вопросы неразрешённые есть ещё. Вижу дурное, слышу слова злобные — и поднимается изнутри неприятие сего!

— Видеть и понимать, что вот это есть дурное, — не является грехом осуждения! Ведь, не видя дурное в человеке, — ты ему и помочь не сумеешь!

— Да понимаю я, но не разделить мне это до конца.

Прежде, в юности, я словно видел в людях только хорошее, — и ошибался в них, и предавали меня друзья мои лучшие... А после — наоборот, стал всё дурное в людях подмечать, мерзость и грязь стал видеть. И отчаяние тогда пришло, и веру даже тогда утратил...

Вот теперь — учусь всё видеть, как ты. И — не осуждать, а искать тот свет в душе человека, который хоть чуть-чуть теплится, и к этому свету обращаться, а не к тьме из пороков, которые загасить тот свет пытаются.

— Да, именно это и нужно. Важно все пороки и проблемы души видеть, но разглядеть также в

ней то светлое, что ещё есть. И если к самому лучшему в человеке обращаться, когда с ним беседу ведёшь, — то появляется шанс, что почувствует он Руку Божию, Которая к нему всегда протянута! И, если Божие Присутствие тот человек почувствует, за Руку Божию держаться станет, — то сумеет из бездны пороков выбираться начать. Если, конечно, разумения ему достанет для такой работы по преображению себя-души.

— Умом-то я всё понимаю. Но не всегда у меня это получается — не осуждать... Например, когда о тебе говорят несправедливо...

Вот, вчера наш настоятель тебя снова к себе вызвал... Он ведь, наверное, тебя опять назидал да унижал всячески! Отчего ты — словно справедливые — упрёки его выслушиваешь всегда? Не возражаешь даже напраслине, на тебя возводимой! Через тебя Бог говорит, через тебя дела чудесные, славу монастырю приносящие, происходят — а ты словно и возразить права не имеешь?

— Не суди прежде времени, когда не всё тебе о человеке видимо да ведомо...

Легко видны недостатки того, кто у всех на виду, кто руководить людьми взялся...

Уразумей, Николенька: никогда с человеком то не происходит, что Богу не надобно! Никогда не приходят в нашу жизнь те события, через которые либо мы сами умудряться и очищаться должны, или ближние наши через то — важное могут осознавать!

Если нет вины на самом человеке, которого упрекают несправедливо, — то через сие другие увидеть могут свои пороки!

Но это может произойти, только если в душе праведника — покой и нежность, как гладь озёрная в погоду безветренную.

Когда же человек возражать да правоту свою доказывать пытается — то ничего, кроме спора, не выйдет! А от спора — мало пользы, ибо спорящий всегда лишь себя слышит, свою правоту доказать стремится. Даже если возражение внутри себя сдерживаешь, словами не высказываешь — и тогда непринятие внутреннее твоё мешает человеку другому помочь.

Из покоя глубокого — вместе с Богом — смотреть на все ситуации нужно! Из того покоя — и слова поднимутся, Богом предложенные, которые сказать вслух можно.

И ведь лишь из покоя того в глубинах сердца твоего духовного расширенного, где Бог явен и общение с Ним отчётливо, — добро и зло ясно различимы!

... Но иногда — нет даже смысла говорить с человеком неразумным и из пороков одних лишь состоящим: не меняют ничего в нём слова произносимые... Значит, не пришла ещё пора для понимания у того человека... Не всем — прямо теперь помочь можно...

А настоятель наш — хороший человек: сильный, упорный. Друзьями мы были когда-то близкими, мечтали о жизни чистой для Бога, о свершениях духовных мечтали... Потом — развела судьба. Когда я сюда пришёл, он уже в ранге высочайшем монастырь возглавлял. И многое уже тогда сделал он. Я же гоним всеми был... И ничего, кроме Бога в сердце, не имел...

— Так он, наверное, ради чудотворения, через тебя свершаемого, тебя сюда принял: чтобы слава монастырю прибавилась?

— Нет, не знал он о том. Я же — уже знал тогда, что Бог может через меня Силу Свою явить. А он — не ведал того, но помог...

Не завистлив Игнатий! Но земное — крепко его держит, в Свободу Божию не пускает. А ведь мог бы: сила души в нём — великая!...

Но, когда высоко поднялся человек над другими людьми, — не просто ему себя малым ощутить и учёбу собственную начать! Не просто ему волю свою — на Божию Волю переменить без остатка! Не просто всё от человека тленного в себе — отринуть!

И трудно также смирить гордость в себе человеку, праведно пред Богом жить стремящемуся, — и стать инструментом Божиего Промысла!

* * *

Старец Зосима замолчал надолго. Вспоминал он то, что прежде, в юности, их с Игнатием соединяло: мечты высокие, стремление Богу служить... И то, как потом пришёл он, спустя годы многие, в монастырь этот. Сказал ему тогда Бог: «Сие есть место, где жить и трудиться тебе во Славу Божию — до конца дней тела твоего. Здесь — более всего блага совершить сможешь!».

А Игнатий посмотрел на него тогда, словно на несчастного, который ничего в жизни достичь не сумел... Стал о своих планах и делах важных рассказывать... Но — не прогнал опального, а оставил в монастыре жить...

Правда, почти весь день теперь обязан был Зосима выполнять дела, которые не много пользы приносили, а то и вовсе бессмысленной была работа...

И много уроков терпения и смирения прошёл он тогда. И научился — душевной неразлучности с Богом, чем бы ни занято было тело. И очень много пользы настало от того смирения и терпения.

Вспомнил старец Зосима и то, как, спустя время определённое, Игнатий в первый раз увидел Силу Божию, через него, Зосиму, проявленную.

Исцелён тогда был мальчик слепой. При всех то Бог явил.

Понял тогда Игнатий, что совершилось. Побледнел...

Потом говорили они наедине:

— И давно ты, Зосима, можешь такое?

— В первый раз — давно было, лет десять тому... Не понимал ещё тогда, что да как... А теперь уж знаю Волю Божию и неотступно Ей следую. И может Бог то совершать, что надобно для славы Его Величайшей! А я сам, без Него, — ничего не могу.

Тогда Игнатий и келью особую выделил, и людей позволил принимать. И позволил не по уставу монастырскому жить.

А сам — словно затворился: мол, «не дал мне Господь...».

Но не стал учиться тому, что постичь бы мог.

А потом ещё был момент, когда могло получиться у Игнатия...

Вспомнил Зосима, как надеялся тогда, что сумеет помочь Игнатию Бога узреть.

Болезнь тогда с Игнатием случилась. Он от боли еле на ногах стоял, еле говорить мог, но службу не прервал...

После — его на руках монахи в покои отнесли. А лечить — Игнатий Зосиму не позвал, о помощи не попросил...

Зосима тогда пришёл сам.

Игнатий лежал бледный, словно посеревший от боли. Но стоны сдерживал...

— Что, умирать время пришло? — спросил.

— Нет, не теперь, Игнатий. Это — камешки из почек выходят. Сейчас полегчает. Но уж ты прости меня, не позволяет Бог совсем боль тебе снять...

Ты, когда больно, вспоминай всё, что дурное мыслил или совершал, прощения за то у Бога проси! Вместе с камешками этими из тебя всё скверное и тяжёлое уходит будет! Здоров — будешь, меня ещё переживёшь! Во очищение души то Бог тебе послал!

— Ты меня, Зосима, прости! Несправедлив к тебе был... Может, то — зависть?... Ведь лишь себя правильным да праведным прежде почитал... А чудеса Бог — через тебя творит, тебя Он избрал...

Неделю Зосима неотступно рядом был.

Тогда Игнатий помягчал, слушал со вниманием, исполнял многое...

А потом — снова переменялся. Восхотел Силу Божию в себе испытывать — и... не получилось... Раз, другой — всё не получалось... И — словно дверь захлопнулась... Сам ведь то вы-

брал, сам перестал пытаться новую жизнь свою с Богом с самого начала выстраивать... И словно бы обида осталась, что не сумел...

Не просто это: одной лишь любви позволить над собой властвовать! Ум мешает! Воля, от самости человеческой идущая, мешает!

А ведь мог бы...

* * *

Зосима продолжил разговор после молчания:

— Игнатий — он мне помог много. Через то — и другим помогаю. А я ему — ещё мало помочь сумел...

Но от каждой нашей беседы с ним — он понимание новое выносит, хоть и малое пока. И тебя учить он ведь дозволил! И не как всех учить, а чтобы меня заменить ты смог, когда я уйду...

— Сказал тоже! Да кто же тебя заменить сможет?

— Заменить — не заменить, но работу мою после меня — тебе исполнять надобно будет!

Много слов я сказал людям из тишины сердечной, где обитает Создатель. А теперь мне уже молчать — более пристало, чем говорить.

Человеку иногда нужно прежде слова услышать, чтобы понял он Любовь Божию, чтобы смог Его Тишину Великую прочувствовать, **Присутствие** Его в ней осознать.

И надобно тебе научиться так слова говорить, чтобы за ними та Тишина Создателя, Отца Бога нашего, явной становилась. Ты теперь должен учиться тому, чтобы слова ли твои, или мол-

чание твоё — несли тому человеку, что к тебе пришёл за советом да помощью, ощущение **Пр**исутствия Бога.

Много слов сказано да написано о том, что Иисус — Живой, Воскресший — и ныне с нами! И — что Отец Небесный есть Вездесущий, Всемогущий, Всеведущий! Но, пока душа это сама не прочувствует, пока любовь Божия не коснётся сердца, — слова так и останутся тверждением молитвенным или проповедованием пустым...

Важно то, как ты молчишь, как говоришь, как слушаешь, — чтобы Присутствие Божие до сердца духовного собеседника твоего достало, чтобы дверца распахнулась в сокровенное святилище души!

Твой теперь черёд наступает — людям помощь духовную нести. Вместо меня, кого скажу — выслушивать будешь теперь.

Очень много людей приходит теперь стало... Устал я... Устал от хотений человеческих...

Если бы поняли, что не для себя, а для Него живём, — то, может, одумались бы... Да не просто людям про то объяснить... О любви к ближнему — ведь сколько уже сказано...

Зосима вздохнул:

— Пойдём в сад... Мне саженец вишенки принесли. Посадим с тобой деревце!

* * *

На другой день в келью к старцу Зосиме вошли двое не молодых уже людей — муж и жена.

Николай ощущал то недоверие, что они к нему испытывали. Ведь к Зосиме шли за советом, а не к послушнику, никому не известному!

Но старца Зосиму это не смущало ничуть. Он ласково приветствовал вошедших:

— При нём теперь говорите! Через него Бог и совет вам даст.

— Да как же? К тебе же шли...

— Не ко мне, к Богу!

И опустилась Тишина Божия. Мягкий, прозрачный Покой обнял всех снаружи и изнутри.

И не понимал Николай: сам ли сумел он то состояние Божие приблизить, или же старец Зосима помог Божие Присутствие столь ощутимым сделать, или Божия Помощь была явлена Им Самим?

Пришедшие заговорили:

— Мы Бога о ребёночке просить пришли. Много лет уже молим, а всё нет у нас детей. Вот, в Писании рассказаны случаи, что по Воле Божией и на старости лет позволяет Бог дитя родить... Но, видно, недостойны мы той милости. Как нам ту милость сыскать, что сделать, чтобы удостоиться того?

Николай почувствовал смысл ответа, который дать должен, сразу. Он некоторое время подбирал слова, потом произнёс:

— Отчего непременно хотите вы родить дитя собственное? Много деток есть, в приютах живущих, которые лишены заботы родительской.

Возьмите дитя и вырастите, воспитайте. И вам счастье будет, и ребёнок обретёт родителей заботливых!

— Думали мы про это... Но а как, если не сумеем полюбить не родное дитя? А вдруг характер у ребёночка трудный будет, не справимся?

— А разве с родными детьми так не бывает? Разве не случается, что не справляются родители с воспитанием?

— Мы думали, что поможет Господь...

Тут в беседу вступил старец Зосима:

— Бог и помогает! Вот только, послушаете ли вы совет Его? Помощь Его примете ли со смирением? Да и сами помощь оказать другому — захотите ли?

Есть в ста верстах от поместья вашего приют для сирот. Есть там девочка двенадцати лет, зовут её Таня. Худенькая, болезненная немного. Но, когда у вас жить станет, — на воздухе свежем окрепнет! Эта девочка у вас родиться могла бы, но не хотели вы тогда деток. А вот теперь — и она сирота, и вы одиноки... Но легко то исправить теперь. Она вам дочкой может стать...

— Может, нам лучше маленькую детку взять, чтобы не знала, что приёмная? Мы так мечтали...

— Вы ведь совета пришли просить и помощи от Бога...

А теперь — думайте и решайте сами, как жить дальше будете.

Маленьких деток многие усыновить готовы. Но для Тани — то может очень многое переменить в судьбе её. Да и в вашей жизни всё по-новому сложится. А уж нянчить — то внуков нянчить станете...

Зосима заулыбался по-особенному — так, как когда позволял ему Бог в будущее возможное прекрасное заглядывать:

— Сможете вы чудо то получить, о котором у Бога просили! По промыслу Божиему — поступить сможете! Ступайте...

Супруги поклонились низко-низко, пошли.

Уже за порогом женщина тихонько спросила мужа:

— А за Танечкой мы ведь сегодня поедем?

Николай даже не знал: расслышал ли он те слова, или просто понял смысл того, что происходило в душах. Но его словно затопило радостью и нежностью!

— Получилось? — переспросил он старца Зосиму.

Тот улыбнулся ласково:

— Сам будто не ведаешь?!

— Понял, кажется. Только так, как у тебя, — у меня ещё не получается. Пока ты не сказал, не видел я девочку...

— Ничего, научишься ещё до глубины самой в каждую ситуацию с помощью Бога входить!

* * *

Но не всегда у Николая получалось Бога ощущать, когда люди к нему с вопросами и проблемами обращались.

Лишь когда они были вместе со старцем Зосимой — легко всё выходило. Но, когда люди приходили к нему одному с печальями своими, и он на себе всю ответственность ощущал, — ничего иногда не получалось! И после нескольких серьёзных неудач Николай попросил старца Зосиму:

— Видно, не готов я ещё! Не заставляй меня то делать, на что не гожусь...

Зосима не возражал.

Только тяжело было от этого Николаю! Ощущал он себя недостойным, и то, как выход найти, не знал. Измучился он...

Однажды Зосима протянул Николаю толстую тетрадь с пожелтевшими от времени страницами:

— Вот, возьми. Я проповедей не писал. И то, что от Бога слышал, тоже не всё записывал. Не думал, что нужно кому-то будет... А вот, всё же, есть здесь кое-что. Может, тебе это пригодится.

Николай взял с трепетом, поблагодарил. Пошёл к себе в келью.

Он открыл тетрадь с записями Зосимы наугад. Прочёл:

«Уныние означает отсутствие Бога в жизни твоей.

Как только явилось уныние — значит, остудилась любовь к Богу. И любовь к ближним, значит, тоже умалилась.

Если Бога в сердце хранишь, если любовь, свет и теплоту душевную сердце духовное ежесекундно рождает — то не возникает уныние.»

Николай прочитал, и словно его ошпарило словами теми! А ведь уж самому казалось, что утвердился он в достижениях на поприще духовном! А выходит...

Он стал читать дальше:

«Бессилие — отчего возникает? Оттого, что сила воли в человеке ослабла. Устремления его

прежние — не дороги стали ему самому. И главное — не видит он нужды Бога в его трудах!

Как Апостолы дела великие вершили? Любовь Своею к Иисусу и к Отцу Небесному Они открывали доступ Силе Бога, что сквозь Них текла! И Силу ту Они к людям направляли, которым помочь пытались.

Стремилась Они знания, от Иисуса полученные, на Земле людям оставить!

Мир людей — осуждает, судит и наказывает...

Бог же — так не поступает. Он любит всех Своих детей. Даже заблудших — любит. И всем — добра желает и к светлой жизни путь указать готов!

В этом — суть прощения Божиего!

Суд человеческий должен быть на Земле, чтобы останавливать зло тех, кто слепы и глухи в ненависти и прочих пороках своих...

А что же есть «Суд Божий»? То — когда сам человек в предстоянии пред Богом пороки свои осознаёт и судьбу свою дальнейшую видит...

Тот, кто Богу служит, должен учиться Божию всепрощению: Любви Божественной безусловной, которая, как Свет Светила **Великого**, ко всем равню исходит!

Для каждой души человеческой, что Богом на Землю послана, есть задача ей посильная! И в исполнении этой задачи может заключаться подвиг великий по преображению и себя, и того, что вокруг!

Даже если не велика пока работа, которую может Бог сей душе доверить, — то очень хорошо будет, если с радостью станет человек исполнять дело своё!

Если от стремления к сотворению добра станет человек поступать по Божиему Замыслу — то хорошо будет!

Важно не просто слова утешающие человеку сказать. Легко забываются такие слова — и вновь тот человек утешения от других ищет...

Но нужно увидеть то, что для души сей благом будет, — и показать человеку возможность задачу ту, поставленную Богом для него, разрешать с радостью и пониманием!

Отчего осуждаешь за неразумие братьев своих младших?

Каждый придёт к пониманию в свой срок!

Говорят, что «от любви до ненависти — один шаг». Неправда то! Тот, кто может возненавидеть ближнего своего, которого, как думал прежде, любит, — то не любил он вовсе!

Любовь — прощает виновным обиды, пришедшие от них!

Говорят, что «Бог терпеть велел»...

И будет глупый терпеть и терпеть, как над ним дурное совершают...

А мудрый — отойдёт в сторону от зла, которое исправить и изменить не в силах.

Если вдруг руки испачканы — то следует их просто вымыть.

Не надо ждать, когда грязь сама отвалится.

И не надо просить о том помощи от Бога.

Так же и себя — как душу — человек в чистоте содержать должен!

Всё в себе чистым — должно самостоятельно сделать: и тело, и ум, и эмоции свои! Всё это следует в чистоте блюсти! Без этого — не получится Наипрекраснейшее воспринимать: то есть, Бога слышать и ощущать!

Как себя от сопротивления Воле Божией избавить?

Песок пропускает сквозь себя воду, глина — нет. Природные свойства материи бывают различны.

Отчего материя телесная заболевает? Оттого обычно, что свойства души порочные на неё повлияли.

Нужно те душевные свойства преобразить.

И уйдут тогда болезни тела, и душа чистотой воссияет!

Когда душа не любит — она словно умирает!

Может человек поднять себя из бездны грехов, пороков и страданий — и возвыситься, взойти к жизни в Чистоте и Любви Божественной!

Тишина сердца духовного наполняется Божиим Словом — и тогда понимание проникает в душу!»

Перечитывая наставления старца Зосимы и вспоминая всё, чему уже успел научиться от него, Николай вновь и вновь поднимал состояние души до восприятия Духа Святого, учился непрерывному Единению с Богом.

* * *

Шло время, а Зосима по-прежнему не звал больше Николая оказывать помощь приходившим просителям.

В тот день Николай был занят работой по хозяйству монастырскому: дрова колот. Он любил такую работу. И на его крепкое, сильное тело было одно удовольствие смотреть, когда он орудовал топором.

Его неожиданно позвали к старцу Зосиме: «Дело, говорят, для тебя есть важное».

В келье у старца был отрок лет пятнадцати. Его правая рука висела, как плеть. Видно было, что он пришёл просить об исцелении.

Старец сказал Николаю:

— Вот — для тебя на сегодня работа: ты сможешь вылечить Павлушу!

Николай не успел даже задуматься, как ощутил, понял, как должен поступать. Свет Духа Святого обнимал, словно Потокотом Реки Великой!

— Пойдём: поможешь мне дрова для монастыря наколоть! А то я всю работу бросил и сюда прибежал, — приветливо сказал Николай пареньку.

Тот насуплено ответил:

— Плохой из меня работник: рука правая отнялась давно уже, не чую её совсем...

— Это — ничего! Это мы сейчас посмотрим! Идём!

Пока они шли, Николай уверенно, сильно ощущал, как Святой Дух лился сквозь их тела. Николай лишь слегка направлял Поток из *Глубины* по позвоночнику паренька и в его больную руку...

Он видел те потоки Света Божиего, сам сливался душой с Ними и, словно со стороны, слышал как отрок рассказывал, что стыдится он немощи своей, что девица одна ему по сердцу, а как тут будешь ухаживать? — калека... Да и на деревне — что за мужик без руки?...

Когда подошли к поленнице, Павел с удивлением пошевелил пальцами правой руки:

— Чую, как мурашки бегают... И вот — смотри! — пальцы двигаются!

Николай не дал ему времени опомниться:

— Раз шевелятся — то бери топор! А то я уже притомился сегодня! Да не так! Одной рукой много не наработаешь: двумя держи!

Они работали примерно час, поочередно меняясь: то работая топором, то складывая поленницу. Всё это время Божественный Свет струился в телах.

— Ну вот, молодец, помощник! Подсобил! Быстро мы с тобой управились! Завтра рука поболит немного, но ты не бойся! Это — оттого, что долго без дела она была. В баньку сходи попариться! И вот ещё: у старца Зосимы мази попросим лечебной.

Они зашли в храм. Службы не было. Было тихо-тихо.

— Ты, Павел, поблагодари Бога за исцеление!

— Я молитв мало знаю... Какую надо читать?

— А ты — не молитвой! Ты — своими словами говори! Бог — Он ведь любые слова и даже мысли слышит!

И запомни, что, если Бог силу тебе в руку вернул, то для дел добрых должны руки твои всегда трудиться! И никогда зла не сотворять!

Николай стоял рядом, и его благодарность Богу не могла вместиться ни в какие слова...

На обратном пути, на дорожке к келье старца, им встретился котёнок. В монастыре было несколько кошек, регулярно приносящих изрядное потомство.

Николай подхватил ласково мурлыкающего зверька на руки:

— На-ка, погладь!

Павел ладошкой выздоравливающей руки нежно дотронулся до пушистой шёрстки...

— Славный такой!... Мне один раз в детстве котят утопить велели. Я не хотел, плакал, а послушался. Так я с той поры никогда котиков не гладил, словно виноват перед ними...

— А красавица твоя порадуется такому подарку?

— Да! А можно?

— Можно! На, держи! На счастье вам!

* * *

Когда за Павлом закрылась дверь кельи, Зосима похвалил:

— Ну ты даёшь, Николай! А говорил: не могу, не получается! С Богом — всё посильно!

Но как определить: где предел возможностей человека? Ведь как дойдёшь до предела — так Бог перед тобой новые врата раскрывает, новые дали необозримые для свершений распахиваются, новые задачи Бог пред душой ставит!

Ум, с сердцем духовным соединённый и озарённый Любовью Божией, — не замутняется уже ничем! Бог направляет тогда волю человека, который себя всецело служению Богу посвятил! И для момента каждого — слова находятся такие, которые другой душе окажут помощь! И Сила будет за словами твоими — великая!

Слова такие Бог наполняет Своей Силой чрез сердце твоё духовное раскрытое и обширное!

Притча о смерти и о воскресении

В небольшом провинциальном городе монастырь был. Жил в том монастыре старец Зосима, многими почитаемый очень за чудеса Божии, которые слова его сопровождали и дела его украшали.

Но были и те деяния старца, о которых не многие люди знали; величие их скрытым от молвы оставалось.

Мягко и нежно умел старец воспитывать и взращивать добро и любовь в душах человеческих. И расцветала та любовь — и плоды приносила.

И была в том городе больница бесплатная. Основали больницу ту на средства купца богато-

го, дочка которого старцем Зосимой исцелена была. На пожертвования людей, которым старец помощь оказывал, многое в той больнице делалось. А руководил больницей доктор Фёдор Пантелеймонович.

* * *

В семье же доктора Фёдора Пантелеймоновича подрастала дочка. Девочку звали Софией, но все обычно ласково называли её Зосей. Может быть, это было так потому, что чудо о её рождении, не многим известное, со старцем Зосимой было связано.

И старец Зосима к воспитанию девочки внимание особое проявлял.

Когда подросла Зося, стала она частым гостем в келье старца.

Любила она вопросы ему задавать. Любила ответы его слушать. Любила и просто тихонько рядом посидеть в тишине особенной, которая в келье старца Зосимы всегда была.

Тогда — словно затихало всё в ней. Её радость — живая, лучистая, сияющая во все стороны — приходила в особое состояние света ласкового, покоя нежного и сосредоточенности на **При**сутствии Божиим.

Родители Зоси почти всё своё время и силы отдавали работе в больнице.

Игры в куклы или горелки со сверстниками не могли надолго увлечь Зося. А вот в жизни больницы её роль с каждым годом возрастала.

Как лучик солнечный, который скользит и прикасается нежно ко всему своим светом тёп-

лым и не пачкается ни от чего, но всё вокруг краше делает, — так и Зося по больничным палатам пробегала, словно свой собственный обход делала. Иногда подолгу останавливалась у кого-то. Бывало, что деткам больным сказки расскажет. Бывало, что и взрослых развеселит.

Поначалу доктор Фёдор пытался оградить дочку, боясь за неё, хотя бы от тяжёлых больных, чтобы не испугать девочку видом страданий человеческих. Но однажды он застал Зосю у постели умирающего, которому не мог он сам уже ничем помочь средствами медицины. И увидел он, как девочка с тем человеком говорила... И увидел, как поменялось вдруг состояние того человека...

Тот человек потом рассказывал доктору Фёдору: «Вот, сподобился милости Божией: ангел ко мне зашёл! И умирать теперь не страшно!»

И с той поры уже не запрещалось Зосе даже к тяжёлым больным заходить. Она же — всегда была наготове: воды ли подаст, санитарку позовёт, или просто слово доброе и ласковое скажет, улыбкой солнечной одарит.

Когда в монастыре появился послушник Николай, ставший учеником старца Зосимы, то очень скоро стали они с Зосей большими друзьями. Николай научил Зосю грамоте. И когда выучилась Зося этому — появилась у неё привилегия особая: она записки от больных некоторых с просьбами или вопросами к старцу Зосиме относала, а от него — ответы обратно доставляла.

* * *

Однажды Зося пришла, как обычно, в келью старца Зосимы и спросила его:

— Скажи: почему одни люди — добры, а другие — не добры? Отчего так? Неужели нельзя так переменить, чтобы все добрыми стали?

— Вот ты, Зосенька, посмотри на растения разные. Одни — сильные, крепкие, здоровые, ровненько растут, к солнышку тянутся. А другие есть — чахлые. А у иных — стволы искривились... От многого то зависит: хорошее ли семя было, на какую почву оно упало, как вокруг всё было, когда росло...

Вот и люди — так же.

Если за любым растением начать правильно ухаживать, то лучше оно развиваться станет. Но ствол дерева, что долго рос криво, уже не сделать прямым...

— Да! Поняла я! Вот — у нас такая больная с «кривым стволом» появилась.

Зося задумалась ненадолго, а потом поведала о той новой больной, от которой проблемы большие для всей больницы случились:

— Очень шумная она, кричит на всех, словно одна она только на всём свете! Хочет, чтобы только вокруг неё все бегали и суетились! И всё ей не так: и каша не так сварена, и укол ей больно делают, и постель жёсткая, и санитарку ей не дозваться! Она — помещица богатая, одиноко много лет жила, слуг множество при ней каждую прихоть её исполняли... И привыкла она, что всё — только ей... А говорит она так, словно стая оводов кусачих во рту! Только плохое во всём видит! Всё и всех ругает, всё осуждает! Все у неё — глу-

пые, ленивые, неумелые! И вылечить её не могут, и как угодить — не знают!... А в больницу нашу её привёз врач личный, потому что не знал, чем помочь. И что самое грустное, что помочь ей уже не получается, умирать ей, видимо, скоро придётся. Болезнь её — неизлечимая, лет ей уже много, а она о смерти тела и не думает, словно не может с ней того случиться. А ей — не говорят. И всем вокруг от неё только проблемы одни...

Папа спрашивает, как бы тут помочь?

— Сказать ей надо, что время её пришло... Вот, Николай, тебе — практика хорошая! Зосю сегодня проводишь — и побеседуешь.

Зося обрадовалась, потому что с Николаем ей всегда интересно было.

Довольная обещанной поддержкой, она отдала старцу Зосиме принесённые записки от больных.

— Ну, Зося, давай за работу! — сказал Зосима.

Зося села за стол, вооружилась пером и чернилами и приготовилась писать ответы.

Старец Зосима взял первую записку, прочёл, посмотрел взором внутренним в судьбу того, кто вопрос написал, отдал записку Зосе. Она перевернула лист, чтобы написать ответ.

Медленно и чётко произнося слова, Зосима сформулировал два коротких предложения. Зося старательно и аккуратно записала слова старца.

Так они ответили на все послания.

* * *

Вскоре Зося с Николаем отправились в больницу. Ведь в этот день им нужно было ещё многое успеть.

Больница была близко от монастыря. Дорога шла по отлогому холму в сторону реки. Красота вокруг была необычайная!

Николай, давно не выходявший из монастырских стен, радовался и величию мощной реки, плавно несущей свои воды, и зелени холмов, и просторам голубого неба с лёгкими облачками.

Маленькая тёплая Зосина ладошка в его руке переполняла ощущением нежности...

Зося шла рядом, тоже наполненная радостным восторгом:

— Я это место люблю очень! Здесь всегда красиво: и зимой, и летом... И радостно так всегда делается, когда здесь идёшь! Словно оттолкнёшься — и над Землёй полетишь! Я так даже играю иногда: ощущаю, что я, как птица, летаю и всё с высоты вижу...

Когда уже подходили к больнице, Зося сказала Николаю:

— Знаешь, эта женщина, её Лизаветой Степановой зовут, — мне кажется, что она — очень несчастная. И смерти она очень боится. Поэтому и старается о том не думать совсем...

Я сама про себя такое тоже думала: боюсь я умирать — или нет? Сейчас мне кажется, что я, если тело умереть должно, то не забоялась бы. Если не очень больно, конечно. Потому, что душа — ведь не умирает...

А ты о том думал?

— Много думал, Зося. Думаю, что тоже сейчас не испугался бы, если бы призвал к Себе Бог. Но вот, как про такое сказать другому человеку, ещё не знаю...

Они пошли дальше молча. Зося только крепче сжала своей ладошкой руку Николая, словно поддержать старалась.

Они вместе вошли в палату.

— А, Зося, пропащая! Явилась, наконец! Никогда тебя нет, когда нужна! Четыре часа тебя уже жду, чтобы книжку мне почитала! Искать тебя всех посылала, а тебя нет нигде!

— Я сегодня не буду Вам читать, Лизавета Степановна. Я вот к Вам привела...

Зося указала на Николая.

— Это кто тебя просил-то? Милостыню на монастырь выпрашивать будет?! Знаю я этих: «во исцеление души и тела»! Что, денежек моих захотел? Ну уж нет, не получишь! Или исповедовать меня решили? Не могут вылечить! Так пусть хоть душа спасётся, если денежки все церкви отдаст? Так? За денежки спасусь, значит?! А если не пожертвую — то в ад попаду? Терпеть не могу попов!

— Я не могу Вас исповедовать, Лизавета Степановна: я только послушник ещё. Меня старец Зосима прислал побеседовать с Вами. А если, в самом деле, исповедаться и причаститься захотите, то это можно будет специально сделать.

— Меня тут что, похоронить хотят?! Я что, умирающая, что ли?!

— Это — правда: болезнь Ваша неизлечима. А когда час смертный наступит, то Бог решает... А к часу этому лучше всегда готовыми быть.

Лизавета Степановна побледнела и срывающимся голосом, но тихо, а не крича, как обычно, — она обратилась к Зосе:

— Это — правда? Зося, я знаю, что ты врать не умеешь. Это — правда?

Зося молча кивнула.

Наступила тишина, в которой было слышно лишь прерывистое дыхание грузной пожилой женщины, для которой дни жизни в этом теле были уже почти сочтены...

Зося тихо вышла и плотно затворила за собой дверь больничной палаты.

— Мне уйти, Лизавета Степановна? — спросил Николай.

— Нет... Садись уж, коли пришёл, начинай свои проповеди! Только денег от меня не получите, так и знайте!...

Николай ощутил Присутствие Божие и... неожиданно для себя самого начал рассказывать о том, как сам пришёл к Богу. Говорил он искренне и просто:

— Когда-то я специально пришёл сюда, в этот город, где меня совсем никто не знал. Думал я, что хорошее это место для того, чтобы покончить жизнь свою земную, потому как не видел от неё никакой пользы... И думал я тогда, что и Бога нет, потому что столько зла кругом происходит! И часто это зло над добром господствует. И не в силах человеческих — изменить что-либо в мире сем...

И Николай стал рассказывать далее свою историю: о том, как спасла его от такого исхода женщина добрая Акси́нья. Как попросила она мальчика больного к старцу Зосиме отнести.

И стал Николай про Зосиму рассказывать, про чистоту души, про Бога Живого...

Ему казалось, что, пребывая в некоем шоке от известия о приближающейся смерти, женщина его не слушает совсем... Просто — не так страшно, если есть рядом кто-то.

Но ведь каждый в час смертный — один порог переступает...

Но, когда Николай замолчал, Лизавета Степановна неожиданно спросила:

— И что, хочешь теперь, как этот старец стать?

— Да, хотел бы научиться помогать тем, кому можно помочь...

— А мне вот, похоже, помогать уже поздно... Зачем же прислал тебя твой старец?

— Чтобы успели Вы сделать то, что ещё можно успеть.

— Что же?

— Об этом и нужно подумать Вам... Если спросите что, то я, сколько знаю, скажу... То время, которое ещё отпущено, можно с большой пользой для души провести. Я — не про деньги. Деньгами как распорядиться — это Вы сами решите. Завещание написать можете.

Они молчали некоторое время...

— Я вот, знаешь, что придумала, Николай? Я своё имущество — Зосе завещаю. Я — хоть и скверная и сварливая старуха, а кое-что в людях понимаю, много на своём веку повидала... Она — умеет доброе делать! Думаешь, что это Бог так её направляет? А хочешь, и Аксинии твоей тоже отпишу денег? Ты, небось, её не отблагодарил по-настоящему? Сумеет она распорядиться?

Мало пользы от жизни моей было... Так пусть — хоть от смерти будет польза...

... Они говорили ещё долго...

Многое от близости часа смертного стало для женщины той виднее: что — важно, а что — не имеет значения...

С того дня Лизавета Степановна переменялась сильно. Перестала она всех вокруг донимать прихотями и капризами своими, дела земные в порядок привела, завещание расписала подробное.

И состояние её переменялось довольно существенно: ибо пред Богом она себя — как душу ощутила, и к переходу к жизни иной готовить себя стала.

* * *

Однажды, когда старец Зосима и Николай были только вдвоём, Зосима сказал:

— Уходить мне пора...

Тихо, но внятно произнёс он это.

— Куда? — не понял Николай.

— По ту сторону... Туда, куда Отцом Небесным призываем ныне...

— Отчего ты так говоришь, ведь ты здоров совсем?!

— Зачем же обязательно в болезни, боли или страдании уходить? Уходить можно с радостью и готовностью к иному состоянию души, к жизни без оболочки тленной телесной!

Часто немощи тела даются человеку, чтобы облегчить душе переход сей. Именно — чтобы душа сама согласилась бы на то, что расставание

с телом станет благом. И чтобы не цеплялась бы она за жизнь телесную, но повернулась бы полностью к жизни в мире ином.

Но, если душа подчинила прихоти и ума, и тела, если Бог — рядом всегда, — то можно радостно смерть оболочки брэнной принять!

Ты теперь, Николай, отпусти меня...

— Да как? Что значит «отпусти»? Разве я держу тебя? Разве могу я перестать любить тебя — и смерти тебе пожелать?

— Ты привык любить меня в теле этом, слова от тела слышать, любовь Божию, струящуюся сквозь тело моё, ощущать, ответной любовью сей остов телесный обнимать...

Ты говоришь: «не могу не любить тебя!». Но разве смерть тела может быть помехой для любви? Я вот — уйду, и ты ведь любить меня не перестанешь? И я тебя любить не перестану.

Отчего люди слёзы льют, когда умерло тело человека, ими любимого? Оттого, что душу они не видят, не могут обнять её, поговорить... Смерть тела они ощущают... расставанием.

Ещё бывает, что жалеют себя в одиночестве своём и лишении...

Но, например, для первых христиан смерть не являлась трагедией, как часто её теперь воспринимают люди! За порогом смерти — ожидали они счастье воссоединения души с Богом!

Ждали они этого соединения с Богом, Которого всем сердцем учились любить! Любить — больше всего иного, что в жизнях их земных было и могло бы ещё быть!

И крещение первые христиане принимали не оттого, что все вокруг крещены и принято так! А

ведь тогда, напротив: все вокруг иначе жили... И тот, кто принять хотел крещение, — оттого это делал, что хотел жизнь свою по Учению Иисуса строить! В новой чистоте и красоте душевной стремились они жить, заповеди Иисуса соблюдая!

Ты же — уже многому научился, и, как я уйду, — ещё большему научишься... Любовь, что меж нами, — научит! Бог — научит!

— Откуда ты знаешь, что — пора?

— Господь сказал! Призывает...

— Сказать о том настоящему?

— Нет, не говори: не за чем...

* * *

В дверь постучали...

— Вот нам радость! Зосеньку Господь привёл! — улыбнулся Зосима.

Девочка вбежала в келью, вся сияя лучистым весельем, свежестью, нежностью! Пряди бело-золотистых волос выбились из под косынки... В руках она держала полную корзинку брусники...

— Вот — ягодок принесла! Сама насобирала! Вон сколько!

Старец Зосима попробовал ягодки. Ел медленно, с блаженным выражением на лице, будто бы последнее причастие принимал. Зося обнял ласково:

— Спасибо тебе! Порадовала угощением!...

Зося хотела оставить все ягоды для Зосимы и Николая, но старец попросил:

— Ты нам с Николаем немножко отсыпь в тарелку, а остальное — в больницу снеси. Скажешь, что старец так велел: здоровья от них тем, кто вкусит, прибавится.

Они втроём долго сидели вместе, осенённые Присутствием Божиим. Разговоров и вопросов не было... Но было так, словно обнялись они душами!

Когда Зося собралась уходить, Зосима сказал:

— Ты ещё отцу и матушке скажи, что завтра их известие ждёт — и они должны в том известии радость великую увидеть. Запомнишь?

— Всё словечко в словечко передам, ты меня научил, как слова важные в точности запоминать! Ну, тогда — побегу я?

— Иди... Иди с Богом, Зосенька!

* * *

Старец Зосима умер...

Известие это быстро облетело весь маленький провинциальный городок...

Надежда, мать Зоси, не могла сдерживать слёзы. Муж её, доктор Фёдор, гладил её, плачущую, по голове и ласково обнимал, а Надежда всё повторяла сквозь слёзы:

— Как же так? Умер старец Зосима... Ведь здоров совсем был!...

Подбежала их дочка. Надежда, отирая платком слёзы, произнесла:

— Зося, Зосенька, старец Зосима умер вчера...

Зося замерла, словно на время остановило свой бег то лучистое золотистое солнышко, которое в непрерывном движении всегда все свои дела спешило совершить:

— Так вот про что он вчера говорил: что вам известие будет, которому вы обрадоваться должны... А я не поняла..., не догадалась...

Мама, папа! Он ещё вчера всё знал! И он хотел, чтоб вы о нём не плакали, потому что он — с Богом, и ему хорошо быть должно! И мы за него рады должны быть!

И с этими словами Зося обняла родителей своих с такой теплотой и любовью, словно она была и старше, и мудрее, и сильнее их...

Фёдор подхватил её на руки, девочка ещё крепче обхватила своих самых любимых людей. И они долго стояли так молча, крепко обняв друг друга.

Потом они пошли к дому...

Поражённые недетскими словами дочки, Фёдор и Надежда смотрели на свою Зосю.

Надежда спросила:

— А тебе совсем не грустно, Зосенька, что не прибежишь больше в келью к старцу? Вопросы свои задавать ты кому теперь будешь?..

— Грустно и мне немножко... — помолчав, ответила Зося. — Только думаю я, что он на мои вопросы найдёт, как мне ответить — так, чтобы я поняла! Я когда совсем маленькая была и глупая — он всегда придумывал, как мне объяснить, чтоб понятно было. Вот и теперь непременно придумает!

— Мама, папа! Смотрите! Вот же он рядом с нами идёт — из Света весь!

Он — знаете, как сейчас говорит? Он говорит: «Бог — всегда с нами рядом! И Бог на все вопросы ответит, только надо любить и учиться слушать советы Божии!»

Я его теперь, оказывается, слышать могу и видеть, а люди отчего-то говорят, что он умер...

* * *

Наступила весна. Деревья в монастырском саду зацвели в том году дружно. Все они были осыпаны белыми и нежно-розовыми цветами. Благоухание! Покой! Красота дивная!

Николай стоял в саду недалеко от кельи старца Зосимы. Завтра он должен будет принять монашеский постриг. Потом — продолжать делать то, что вершил старец Зосима.

Настоятель, архимандрит Игнатий, твёрдо убеждён, что должно быть продолжено всё, что было при Зосиме. Нужно будет принимать приходящих, выслушивать, советы давать...

... Николай вспоминал, как Зосима учил его общению с посетителями... Да, кое-что уже получалось. Но это легко было, когда рядом был старец Зосима. Знал Николай, что не допустит Зосима таких ошибок, что могут вред пришедшему принести. Что-то он поправит, подскажет, если что не так... А вот теперь? Сумею ли, когда рядом Зосимы нет?

Или Зосима есть, только не видим?

Николай размышлял об этом, стоя у вишенки, которую они со старцем Зосимой когда-то посадили. Он любовался первыми в жизни её цветками, гладил тоненький пока ещё ствол. Печали

не было. В сердце была теплота, как при разговорах со старцем.

Он вспомнил тот их разговор, когда вишенку эту сажали.

Зосима тогда сказал: «Когда зацветёт, меня уже здесь не будет!». Радостно так сказал!

— Так выходит, не увидишь ты этого? — опечалился тогда Николай.

— Думаю, что увижу! Разве стал бы Бог красоту такую на Земле нашей сотворять, если бы не мог Сам её видеть из Обители Своей или иначе ещё как?...

Вот, например, Пифагор вселенную всю словом «космос» назвал, а слово это означает по-гречески — «красота», «гармония в мироустройстве»!

— А ты что, древних греков труды читал?

— Читал. Много читал и пользу из того извлёк не малую. Много мудрых людей и до Иисуса — о Боге, о жизни чистой и нравственной писало. И оттого, что не многие читают это теперь, может быть, меньше стремления к добродетели в людях...

А что есть *добро-детель*? Сие есть делание добра: то — и мысли добрые, и слова добрые, и дела, добро утверждающие! А ты неужели же думал, что я только одну книгу всю жизнь читал? — Зосима рассмеялся молодо, радостно! — Думаю я, что и те люди, которые красоту на Земле Богу сотворять помогают — не будут лишены возможности видеть её... Да впрочем, и то ведь не важно! Великое дивное благо ждёт тех, кого Бог к Себе подпускает! Вот и должны мы потрудиться, чтобы добро на Земле умножить, красоту и в де-

лах, и в душах сотворить... Чтобы, в том числе, достойны мы были войти в Царствие Отца Небесного!

* * *

В это время Николая позвали:

— Тут к старцу Зосиме люди пришли, мальчика слепенького привели, уходить не хотят, не верят, что нет его...

— Правильно, что не верят! — радостно ответил Николай. — Зови!

Молодая, стройная, красиво и богато одетая женщина шла к келье, держа за руку мальчика лет примерно десяти или одиннадцати. Держала так, словно она сама каждый шаг за него сделать пыталась, чтобы не оступился, не ударился.

Увидев широкоплечего, крепкого телосложения мужчину в одежде послушника, вместо убеждённого сединами старца, она недовольно пожала плечами...

Николай пригласил зайти в келью. Сказал:

— Давайте мы с Вами пока побеседуем. Проходите, присаживайтесь.

Женщина усадила сына на лавку у стены, села сама. Подняла в сторону Николая взгляд, но смотрела куда-то мимо. Наконец, она произнесла:

— Ну, говорите, если знаете, что сказать...

Николай почувствовал то состояние, когда Свет Духа Святого позволяет видеть души и всё, что с ними происходит.

Он видел, что пришла просить она о чуде, а сама не верит в возможность исцеления Силой

Божией. И в ней самой есть преграда, не позволяющая исцелить мальчика...

Он ещё раз внимательней посмотрел на мальчика... Увидел и то, что ощущающий себя больным, несчастным, не смеющий шагу ступить без поддержки взрослых, мальчик не может быть излечен прямо теперь... Но болезнь может уйти, очень легко может быть убрана, если изменить эту ситуацию...

«Как же найти те слова, чтобы поняла? Ведь не хочет она, не готова совет слышать... Подай ей старца святого...»

Николай внутренне попросил Бога о помощи этим людям и затем ещё полнее вошёл в соединённость со Светом Божественным.

В этот момент в келью влетела запыхавшаяся Зося, и — словно свет солнечный заиграл, заискрился повсюду.

Она поклонилась, повинулась, что разговор прервала, что помешала.

— Зося, ты бы с мальчиком в саду погуляла часок, а мы бы пока с мамой его поговорили.

Зося сразу радостно согласилась:

— Тебя как зовут?

— Костя.

Мама Кости словно птица, крыльями своё дитя заграждающая, тревожно посмотрела на девочку:

— Он — слепой, не видит совсем! Ты, пожалуйста, смотри, девочка, чтобы не случилось с ним чего...

Зося уверенно подошла, взяла Костю за руку.

— Вы не бойтесь за него, всё хорошо будет!

И уже Косте:

- Пойдём, я тебе такое покажу!...
- Как же покажешь? Я же не вижу!...
- А вот узнаешь! Идём!

Костина мать с тревогой проводила взглядом детей...

Николаю потребовалось немало усилий, чтобы она начала не просто слушать, а слышать его слова.

Вначале он расспросил о болезни мальчика. Узнал, что случилось то после падения, когда ударился он головой, на брёвнах мокрых поскользнувшись. Много они по врачам известным ходили. Сами глаза — не повреждены. Но зрение врачи вернуть не могут...

Николай и сам хорошо видел зрением души, что повреждение нервных окончаний можно убрать — не с помощью медицинской, а с Божией только... Но не позволяется ему это прямо теперь сделать...

Николай стал говорить о том, что мальчику можно вернуть зрение, но нужно, чтобы тот «теплый» образ жизни, что он ведёт под непрерывной опекой, был изменён. Чтобы укрепить его организм — нужно его закалять: учить и плавать, и бегать, и верхом ездить. А самое важное — чтобы Костя о других начал заботиться, чтобы не ощущал он себя несчастным, немощным, неизлечимо больным, но стал бы делать всё то, что может на пределе своих возможностей, причём всё время тот предел надо стараться отодвигать. И тогда...

Разговор, вроде бы, был окончен...

Николай понимал, что нужно бы сказать или сделать ещё что-то, чтобы слова произнесённые

«опустились на нужную глубину» в понимании собеседницы.

Старец Зосима в таких случаях обычно давал какой-то совет простой: «вот такое-то действие надо совершать»...

Николай перебирал варианты: «собаку завести, чтобы другом стала, или лошадь может стать ещё лучше... Наверное, нужно ещё с самим мальчиком поговорить...»

Он отворил дверь кельи и позвал:

— Зося, Костя!

В саду раздавался залиvistый детский смех.

— Ну, лови же! — убегала Зося, а Костя бежал за ней, уверенно огибая стволы деревьев!

Когда Зося услышала зов Николая — то поддалась, и Костя её поймал!

Они шли... рядом, не держась за руки!

Глаза мальчика по-прежнему не видели, но чудо всё-таки случилось!

Костя вошёл в дверь первым и направился к матери:

— Мама, Зося меня научила смотреть и видеть по-особенному: душой! Мы даже в догонялки играли — и я её поймал! Я теперь тебя тоже видеть могу! Она сказала, что я скоро совсем вылечусь, потому что, если душа зрячей станет, то и глаза тела тоже будут видеть. Её так старец Зосима научил!

Костина мать разрыдалась и обняла сына...

А он всё старался рассказать, как здорово научила его Зося.

«Вот оно и чудо!» — улыбнулся счастливо Николай...

После, когда все чуть успокоились, Зося обратилась к Николаю:

— Меня папа к тебе прислал ведь по делу. Третьего дня мы у входа в больницу девочку нашли, лет примерно двух. Подкинули её. Записка там при ней: мол, родители умерли, выходить ребёнок некому. Оленькой зовут. Хорошенькая! Глазки голубые, кудряшки золотистые, улыбается! Только почти не разговаривает: слов мало знает. Видно, что с ней говорили редко: некому, видимо, было. Он просил ей родителей подыскать хороших, чтобы в приют сиротский не отдавать.

И словно озарением вспыхнула Зося от мысли радостной:

— А ты, Костя, хотел бы сестричку? Сударыня, девочка — такая славная, здоровенькая! Папа смотрел, а он — доктор очень хороший! Давайте я её вам покажу?

Мать Костина, сильно потрясённая всем происходящим, сразу согласилась. Костя уверенно произнёс, что хорошо разговаривать он Оленьку легко научить сможет, поэтому они должны обязательно девочку взять.

И Зося, счастливая, повела новую маму и брата смотреть на Оленьку...

Николай понял, что соединилось всё в данной цепочке судеб, Богом вершимых. Вздохнул он радостно, поблагодарил Бога за помощь чудесную, через Зося явленную!

Потом вышел в тишину сада, где ещё недавно звенели радостные детские голоса.

Подумал о том, сколько всего ещё не умеет...

И увидел состоящий из Света ласково улыбающийся облик старца Зосимы:

«Трудись, сынок! Всё у тебя уже получается, с Божией помощью!»

Рекомендуемая литература

1. Антонов В.В. — Как познаётся Бог. Автобиография учёного, изучавшего Бога. «New Atlanteans», 2008.
2. Антонов В.В. (ред.) — Как познаётся Бог. Книга 2. Автобиографии учеников Бога. «New Atlanteans», 2008.
3. Антонов В.В. (ред.) — Духовная работа с детьми. «New Atlanteans», 2008.
4. Антонов В.В. (ред.) — Дао-Дэ-Цзин. «New Atlanteans», 2008.
5. Антонов В.В. (ред.) — Классика духовной философии и современность. «New Atlanteans», 2008.
6. Антонов В.В. — Экопсихология. «New Atlanteans», 2008.
7. Антонов В.В. — Духовное сердце — Религия Единства. «New Atlanteans», 2008.
8. Антонов В.В. — Анатомия Бога. «New Atlanteans», 2010.
9. Антонов В.В. — Жизнь для Бога. Книга для жаждущих Свободы! «New Atlanteans», 2010.
10. Зубкова А.Б. — Сказка о царевне Несмеяне и Иване. «New Atlanteans», 2007.
11. Зубкова А.Б. — Добрыня. Былины. «New Atlanteans», 2008.
12. Зубкова А.Б. — Диалоги с Пифагором. «New Atlanteans», 2008.
13. Зубкова А.Б. — Божественные Притчи. «New Atlanteans», 2008.

14. Зубкова А.Б. (сост.) — Книга Родившихся в Свете. Откровения Божественных Атлантов. «New Atlanteans», 2008.
15. Зубкова А.Б. — Притчи Лао-Цзы. «New Atlanteans», 2011.
16. Тёплый А.В. (сост.) — Книга Воина Духа. «New Atlanteans», 2008.

Видеофильмы

- Погружение в гармонию природы. Путь в рай. (Слайд-шоу). 90 минут (на CD или DVD),
Духовное сердце. 70 минут.
Саттва (Гармония, Чистота). 60 минут.
Саттва туманов. 75 минут.
Саттва весны. 90 минут.
Искусство быть счастливыми. 42 минуты (HD-video).
Практическая экопсихология. 60 минут (HD-video).
Ключи к тайнам бытия. Обретение Бессмертия. 38 минут (HD-video).

Аудиокниги

- Добрыня — Былины: 2 CD: 80 и 60 мин.
Сказка о царевне Несмеяне и Иване: CD: 45 мин.
Божественные Притчи: CD: 180 мин.
Дао-Дэ-Цзин: CD: 120 мин.
Бхагавад-Гита: CD: 205 мин.
Евангелие от Филиппа: CD: 110 мин.
Стихи-медитации. 2 CD: 67 и 79 мин.

Книги и фильмы можно заказать с сайтов:
<http://stores.lulu.com/spiritualheart>,
<http://ru.spiritual-art.info>.

С другими материалами можно познакомиться, в том числе, на сайтах:

www.new-ecopsychology.org/ru

www.ru.path-to-tao.info

www.ru.aquarian-age.org.ua

www.ru.pythagoras.name

www.ru.atlantis-and-atlanteans.org

www.ru.spiritual-art.info

www.ru.encyclopedia-of-religion.org

Дизайн —
Екатерины Смирновой